

МИНИСТЕРСТВО
ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

к-14038
17231001

**ВЕСТНИК
ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

№ 10
СЕРИЯ ФИЛОСОФИИ
ВЫПУСК 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

71 коп.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00271540

3

МИНИСТЕРСТВО
ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ВЕСТНИК
ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 10

СЕРИЯ ФИЛОСОФИИ

ВЫПУСК 2

к-14038
Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при ХДУ
к. № 231001

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХАРЬКОВСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени А. М. ГОРЬКОГО
Харьков 1966

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
А. А. Мамалуй. Исторический прогресс как категория исторического материализма	3
О. Г. Берзин. В. И. Ленин о гносеологических основаниях диалектического соотношения необходимости и свободы	18
В. Н. Вельцман. Ленинские положения о гносеологических корнях идеализма и критика философских основ антикоммунизма	25
И. Е. Смирнов. К вопросу об объективных условиях и субъективных факторах генезиса труда	34
А. Д. Гойко. О некоторых закономерностях нравственного развития личности в социалистическом обществе	45
А. М. Степанченко. К вопросу о всестороннем развитии и моральной чистоте личности	53
Л. Ф. Нецвет, Л. А. Маленкова, С. П. Ковригин, И. Ф. Новохацкая. Некоторые итоги изучения свободного времени активиста-общественника	63
В. С. Манешин. Эстетическое и художественное	74
А. А. Лигачева. К вопросу об определении эстетического идеала	86
Н. М. Матвиенко. К критике субъективно-идеалистического истолкования содержания литературы в феноменологической эстетике	93
И. Г. Ницевич. К вопросу об общем понятии знака	100
И. В. Кивенко. О роли отражения в процессе формирования систем	108
И. З. Цехмистро. К проблеме пространства и времени	115
И. З. Цехмистро. К проблеме образа бесконечного	124
М. М. Копаница. Современное православие и семья	133
А. С. Слабкий. С. С. Шашков о возникновении религии и ее начальной стадии развития	138
Н. Г. Беседин. Совершенствование работы постоянных производственных совещаний — требование Программы КПСС	148

Редакционная коллегия:

Ю. Ф. Бухалов (ответств. редактор серии), Я. С. Блудов,
В. Н. Вельцман (секретарь), В. С. Манешин, Е. А. Якуба

Редактор Б. В. Фищенко
Техредактор Л. Т. Момот
Корректор М. И. Лелюк

Сдано в набор 26/XI 1965 г. Подписано к печати 31/XII 1965 г. БЦ 24537. Формат 70×108¹/₁₆. Объем: 9,5 физ. печ. л., 13,3 усл. печ. л., 11,9 уч.-изд. л. Зак. 5-2799. Тираж 500. Цена 71 коп.

Типофсетная фабрика Комитета по печати при Совете Министров Украинской ССР. Харьков, ул. Энгельса, 11.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС КАК КАТЕГОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

А. А. Мамалуй

В недалеком прошлом, когда тезис о полной тождественности понятий развития и прогресса был распространен повсеместно в нашей литературе (в известной мере он сохранился по инерции и до сих пор), проблема прогресса не была предметом специального исследования. Ныне, благодаря трудам советских философов и историков Г. Е. Глезермана, Е. М. Жукова, И. С. Кона, Е. Ф. Молевича, Х. Н. Момджяна, М. Н. Руткевича, Ю. Н. Семенова, Б. С. Украинцева, П. Н. Федосеева, Г. П. Францова, румынского исследователя К. Боржеану, английского философа М. Корнфорта, других ученых-марксистов из разных стран, эта проблема заняла в марксистской философии вполне соответствующее ее значению одно из центральных мест. Но и в настоящее время есть немало слабо освещенных, недостаточно ясных или спорных вопросов, обсуждение которых следует продолжить. В данной статье поставлена цель рассмотреть исторический прогресс как категорию исторического материализма. При этом главное внимание уделяется таким вопросам, которые нуждаются в дальнейшей разработке.

§ 1. Об общем соотношении категорий «развитие», «прогресс», «регресс»

Перед научной философией не стоит вопрос, есть ли движение в объективном мире. Вся задача, как показал В. И. Ленин, заключается в том, чтобы выразить его в логике понятий¹. Этой цели служат все категории диалектики, но самым непосредственным образом — такие, как «изменение», «движение», «развитие», «прогресс», «регресс». Естественно, что названные категории, хотя и тесно связаны между собой, далеко не одинаковы.

Пожалуй, наиболее абстрактными понятиями, употребляемыми для обозначения естественных процессов, происходящих в мире, являются понятия «изменение» и «движение». Среди марксистских философов уже давно стало общепринятым понимание движения как всякого изменения, как изменения вообще. Более конкретной и, следовательно, более определенной является категория «развитие». На современном уровне познания отрицать сам факт развития в объективном мире, не вступая в противоречие с данными науки, невозможно. Отмечая, что в XX веке с принципом развития согласны все, В. И. Ленин вскрыл принципиальную противоположность двух основных подходов к развитию — метафизического и диалектического.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 230.

Из ленинского анализа диалектической концепции развития следует, что сущность самого развития двуедина. Во-первых, развитие есть самодвижение, источником которого является взаимодействие исключаящих друг друга противоположностей; во-вторых, развитие есть скачкообразный процесс перехода из старого качественного состояния в новое. В соответствии со своей двуединой сущностью категория развития имеет два аспекта. Первый из них совпадает с общим смыслом понятий «изменение — движение», и в этом отношении эволюция (количественный рост) также есть развитие; второй — специфичен, не сводится к движению — изменению, а служит их определенной имманентной характеристикой. Развитие в собственном смысле слова — это процесс обновления, нарушения старой и самоопределения новой меры или установления иной по отношению к прежней количественно-качественной определенности. В этом плане эволюционный рост составляет лишь необходимую предпосылку развития, но вовсе не исчерпывает его содержания. Здесь процесс развития предстает как единство непрерывно нарастающих количественных изменений, т. е. эволюционного роста, и прерывающих постепенность качественных сдвигов, т. е. скачкообразных переходов. В целом категория «развитие» хотя и совпадает частично с парой понятий «движение — изменение», однако по своему специальному назначению гораздо конкретнее их. Развитие — это не просто процесс изменения (движения) в материальном мире и его отражении, оно есть происходящее в них мероизменение, или мерообновление.

У марксистов нет никакого сомнения в том, что ко всем областям существующего мира вполне применимы не только понятие развития, но и понятия прогресса и регресса. Будучи однопорядковыми и однородными, категории развития и прогресса, а тем более регресса, далеко не тождественны, так как совпадают не полностью: первая абстрактнее каждой из двух других и конкретизируется в последних как в своих частных случаях. Определение развития как процесса изменения меры предметов и явлений предполагает понимание его как различно направленного процесса. Прогресс и регресс — это две объективно возможные тенденции одного и того же процесса развития. Прогресс всегда является процессом развития; развитие же не всегда является прогрессом.

Как развитие, прогресс и регресс осуществляются через взаимную борьбу на основе превращения количественных и качественных изменений. В этом — коренная общность развития, с одной стороны, и прогресса — регресса, — с другой. Но понятия прогресса и регресса выражают лишь определенно направленное развитие, а именно: прогресс — закономерное восходящее развитие от простого к сложному, от низшего к высшему; регресс — противоположный, но не обратный в буквальном смысле слова процесс нисходящего развития от сложного и высшего к простому и низшему. Нетрудно заметить, что ни понятие прогресса, ни понятие регресса, отдельно взятые, не исчерпывают собой понятие развития. Развитие есть не только прогресс или не только регресс; оно — противоречивое единство прогрессивных и регрессивных изменений. Прогресс и регресс составляют две взаимоисключающие и взаимопроникающие противоположные формы развития.

Материалистическая диалектика в принципе отвергает какую-либо общую направленность движения во Вселенной. Признание вечного и бесконечного движения материи не согласуется ни с выделением одного, преобладающего направления в развитии неорганического мира, ни

с вычленением общего направления развития мира вообще. Диалектико-материалистическое понимание развития в корне противоположно как метафизическому принципу вечного повторения, так и телеологическим домыслам о начале мира и о провиденциальной цели, к которой якобы он стремится. Бесконечная материя не переживает безвыходных, абсолютно повторяющихся круговращений, однако она как таковая не находится и в каком бы то ни было преимущественно направленном движении — будь то прогресс или регресс. С точки зрения диалектического материализма, толкование развития мира как восходящего, прогрессивного процесса или как процесса нисходящего, регрессивного лишено всякого научного смысла, поскольку неравномерно распространяют законы конечной, относительно замкнутой системы на бесконечную во временном и пространственном отношении Вселенную. Как было в общих чертах показано еще Ф. Энгельсом¹, а затем подтверждено и углублено современной наукой², развитие мира может быть представлено в виде вечного и бесконечного круговорота материи, в котором совершаются необратимые, но относительно повторяющиеся процессы, имеющие различные направления — прогрессивное, регрессивное, а также ненаправленные изменения «одноплоскостного» порядка. Поэтому неправильно, определяя самый общий смысл понятия «прогресс» и еще не обращаясь к конкретным формам движения материи, ее конкретным системам, утверждать, что прогресс является главным направлением развития или главной формой, которую оно принимает; точно так же ошибочно в данном случае говорить о прогрессе как «общем направлении развития» или употреблять выражения «общее прогрессивное развитие», «общий прогресс». Бесконечная Вселенная не прогрессирует, однако и не регрессирует; она претерпевает вечное взаимодействие и прогрессивных, и регрессивных процессов.

Вместе с тем в конкретных формах движения материи, отдельных ее системах и процессах может преобладать одно, общее направление развития. Очевидно, что Земля с ее обитателями находится в той части Вселенной, где ныне совершается процесс восходящего развития ко все более высоким формам. Собственно, человечество и является естественным результатом этого прогрессивного развития. Понятно, что во всех тех случаях, когда прогресс служит преимущественным направлением развития, его центральной магистралью или главной формой, понятия развития и прогресса имеют больше общих, совпадающих моментов, нежели специфических, отличающих их друг от друга. Здесь развитие сводится в конечном итоге к прогрессу. Это дает основание для вполне правомерного, в известных пределах, употребления понятия развития в более узком значении понятия прогресса.

Однако частичное совпадение категорий развития и прогресса, возможность приведения этих категорий к общему знаменателю никак не может служить основанием для их полного отождествления. Именно та-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 353—355, 362—363.

² См. С. Т. Мелюхин. О диалектике развития неорганической природы. Госполитиздат. М., 1960; М. Н. Руткевич. Диалектический материализм. Соцэкгиз. М., 1959; стр. 385—391; Его же. Диалектика прогрессивного развития, М., 1965; Р. О. Гропп. Диалектический материализм. Изд-во иностр. лит-ры, М., 1960, стр. 69; Л. Н. Коган и Е. Ф. Молевич. Прогресс и регресс. Сб. «Некоторые категории диалектики», Росвузиздат, 1963, стр. 88—89; И. И. Жбанкова. О развитии в неорганической природе. Изд-во «Наука и техника», Минск, 1964, стр. 15—16; В. И. Мальцев. Очерк по диалектической логике. Изд-во МГУ, М., 1964, стр. 93.

кое отождествление допустил в свое время И. В. Сталин. В работе «О диалектическом и историческом материализме» он утверждал, что развитие следует безоговорочно понимать как «движение поступательное, как движение по восходящей линии, как переход от старого качественного состояния к новому качественному состоянию, как развитие от простого к сложному, от низшего к высшему»¹. Понимание развития как единого-направленного процесса восхождения от простого и низшего к сложному и высшему настолько укоренилось, что подобное, совершенно неоправданное, отождествление развития и прогресса, к сожалению, можно еще часто встретить в работах многих советских авторов².

Между тем абсолютное неразличение этих категорий, употребление их независимо от контекста в качестве полностью идентичных не остается теоретически безвредным. В самом деле, если всерьез утверждать, что развитие всегда имеет общую прогрессивную направленность, то, разумеется, это должно быть отнесено и к развитию Вселенной. В свою очередь понимание развития мира как однонаправленного, хотя и прогрессивного, процесса неизбежно ведет к выводу о существовании его начала и конца, т. е. открывает прямую дорогу идеалистическим и откровенно религиозным измышлениям.

Развитие мира не может быть раз и навсегда однозначно направленным процессом; мир не может изменяться во вне себя, поскольку вне мира ничего не существует, а его существование есть бесконечный процесс. Определенность мира — в его материальной бесконечности. Но уже поэтому он не может однозначно сменить свою определенность и стать другим миром. Существует только один мир и этот мир — вечная и бесконечная материя. Мир может изменяться лишь внутри себя, в себе самом. В связи с этим «возникает еще вопрос, представляет ли этот процесс некоторое — в виде больших круговоротов — вечное повторение одного и того же или же круговороты имеют нисходящие и восходящие ветви»³. В противоположность метафизике диалектика признает вечный и бесконечный прогресс во Вселенной, оборотной стороной которого является вечный и бесконечный регресс. Внутри себя, в себе самом, мир бесконечно прогрессирует, но совершенно так же он бесконечно и регрессирует. Мир есть вечное и бесконечное саморазвитие материи, понимаемое как единство бесконечного прогресса и регресса.

Итак, категория прогресса (да и регресса) должна быть отнесена к числу всеобщих категорий диалектики, поскольку она имеет отношение и к природе (как неорганической, так и органической), и к обществу, и к мышлению. Наряду с этим не следует забывать, что категория про-

¹ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е Госполитиздат, М., 1947, стр. 537.

² Достаточно указать на работы по закону отрицания отрицания, вышедшие за последние годы. См., например, З. Багиров. Закон отрицания отрицания. Баку, 1960, стр. 114; Г. М. Домрачев, С. Ф. Ефимов, А. В. Тимофеева. Закон отрицания отрицания. Изд-во «Высшая школа», М., 1961, стр. 100; Ф. И. Захаров. Законы и категории материалистической диалектики. Изд-во «Мысль», М., 1964, стр. 27; П. Р. Зыков. Законы материалистической диалектики, М., 1962, стр. 71; И. К. Исаев. Место и роль закона отрицания отрицания в марксистской диалектике. «Ученые записки Хабаровского пед. ин-та», 1960, т. V, стр. 9; А. А. Макаровский, С. С. Мурзин, Л. Я. Станис. Законы материалистической диалектики, М., 1961, стр. 39. И. И. Черный. Закон отрицания отрицания, Харьков, 1960, стр. 14, и др.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 551.

гресса имеет не полностью всеобщий характер¹, так как, во-первых, она не может быть отнесена ко всякому процессу в объективном мире и сознании, и, во-вторых, не может служить для обозначения всеобщего направления развития мира, ибо таковое отсутствует.

§ 2. Классификация категорий исторического материализма и место в ней категории «исторический прогресс»

В большинстве распространенных в литературе классификаций категорий исторического материализма или вообще не отводится места такому бесспорно важнейшему понятию марксистской социологии, как исторический прогресс, или же не выделяется особая группа категорий, специально характеризующих процессы общественного развития.

Так, В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон различают следующие группы категорий исторического материализма: 1) категории, отражающие существенные стороны общественной жизни, общие всем ступеням исторического развития; 2) категории, отражающие внутреннее единство и цельность общества на каждом из его этапов; 3) категории, отражающие свойственные некоторым формациям существенные стороны общественной жизни². Как видим, ни к одной из этих групп нельзя отнести понятие исторического прогресса. Правда, в первоначальном варианте указанной классификации первая группа содержала не только категории, которые выражают существенные стороны социальной жизни, но и те, которые отражают свойственные всем историческим ступеням общества существенные процессы³. И хотя в таком случае понятие исторического прогресса могло войти в данную группу, это нельзя было бы признать вполне удовлетворительным решением вопроса, ибо рассматриваемая категория одновременно отражает и процесс, общий всей истории человечества, и органическое единство развития общества как целого, а не развитие отдельных, пусть и существенных, сторон общественной жизни⁴. Следовательно, категория исторического прогресса, имея общие черты с категориями двух первых групп, не может быть целиком отнесена ни к одной из них, так как выходит за рамки каждой в отдельности. Впрочем в последствии В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон сузили первую группу так, что из их классификации категории исторического прогресса, а также смежные с нею понятия, выпали полностью.

Не отводится места для понятия исторического прогресса и в классификации В. П. Тугаринова. Распространяя на категории исторического материализма принципы, с помощью которых он изложил свое понимание системы категорий диалектического материализма (классификация понятий в соответствии с делением объектов на предмет, свойство и отношение)⁵, В. П. Тугаринов различает три группы категорий марксистской философии общества соответственно объективно тройственной структуре общественных явлений: социальные структуры — их свойст-

¹ На эти два момента в понимании всеобщего характера категории «прогресс» указал М. Н. Руткевич (См. М. Н. Руткевич. Категории диалектики и природа. Сб. «Некоторые категории диалектики», стр. 11).

² См. В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон. Исторический материализм. Изд-во «Высшая школа», М., 1962, стр. 17.

³ См. В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон. Категории исторического материализма. «Вопросы философии», 1956, № 4, стр. 19.

⁴ См. об этом более подробно в § 3 данной статьи.

⁵ В. П. Тугаринов. Соотношение категорий диалектического материализма. Изд-во Ленингр. ун-та, 1956, стр. 17.

ва — отношения между ними¹. Очевидно, что такая классификация не учитывает в полной мере принцип развития, который нужно брать в расчет при любой диалектической интерпретации категорий. Автор выделяет только те понятия, которые отражают социальные структуры, их свойства и отношения, но совершенно игнорирует категории, отражающие процесс развития социальных структур со всеми их свойствами и отношениями.

Вместе с тем В. П. Тугаринов делит все категории исторического материализма на философские и социологические², придавая этому различению особую роль в дальнейшей систематизации категорий исторического материализма. К сожалению, в его работе не указано основное такое деления и отсутствует четкая характеристика существенных особенностей каждой из названных групп; вместо этого обращается внимание лишь на их внешние отличительные черты. Если категории, которые автор называет философскими, терминологически близки к категориям диалектического материализма и имеют ярко выраженный философский характер, то категории, называемые им социологическими, лишены непосредственно философского содержания и «ничем не отличаются по своей природе от категорий любой специальной науки»³. Категории первого рода немногочисленны в историческом материализме; большинство его категорий составляет вторая группа. Следуя такому делению, понятие исторического прогресса необходимо отнести к группе философских категорий, поскольку оно находит себе эквивалент в системе категорий диалектического материализма («прогресс») и уже этим обнаруживает свое философское содержание.

Однако правомерность деления категорий исторического материализма на сугубо философские и сугубо социологические была поставлена под сомнение В. П. Рожиним⁴. По мнению последнего, в историческом материализме имеются два различных аспекта или даже два различных предмета исследования — философский и социологический. Философская сторона этой науки заключается главным образом в признании первичности общественного бытия и вторичности общественного сознания. Социологическая «сводится к научному объяснению социальной природы общественных явлений, их места и роли в общественном развитии»⁵. В силу этого одни и те же категории данной науки выступают в одном отношении как философские, в другом — как социологические. В таком понимании категория исторического прогресса представляет

¹ См. В. П. Тугаринов. Соотношение категорий исторического материализма. Изд-во Ленингр. ун-та, 1958, стр. 46—49.

² См. там же, стр. 12—13, 51—54.

³ Там же, стр. 13.

⁴ См. В. П. Рожин. Введение в марксистскую социологию, Изд-во Ленингр. ун-та, 1962, стр. 48.

⁵ Там же, стр. 22. В. П. Рожин не разделяет мнения, что исторический материализм и марксистская социология — разные науки. В то же время он говорит о философской и социологической сторонах (аспектах) исторического материализма (стр. 22), о различии предметов исторического материализма как философии и как социологии (стр. 23), о философских и социологических законах (стр. 28), принципах (стр. 42), теориях (стр. 30), функциях (стр. 15) и задачах (стр. 14, 24, 29) исторического материализма. Но если дело обстоит именно так, то что же еще нужно для выделения марксистской социологии из исторического материализма в самостоятельную науку? Что после этого остается от заявления В. П. Рожина о том, что исторический материализм — это и есть марксистская социология? Поэтому, по нашему мнению, провести последовательно ту мысль, что исторический материализм является марксистской социологией, можно лишь признав социологию стороной (аспектом) диалектико-материалистической философии.

собой одновременно и философскую, и социологическую категорию, но в этих качествах она выступает в разных отношениях.

Мы не разделяем ни первую, ни вторую точку зрения, хотя в каждой из них имеются известные рациональные моменты. Представляется более последовательным и основательнее аргументированным тот взгляд, согласно которому исторический материализм является одним из аспектов, стороной марксистско-ленинской философии, и поэтому вся его проблематика целиком философская. Это означает, что в предмет исторического материализма входят лишь те вопросы, которые так или иначе непосредственно выражают диалектико-материалистическое решение основного вопроса философии применительно к человеческому обществу и его истории.

Исторический материализм, или, что в данном случае совершенно то же самое, марксистская социология¹, и есть система научных принципов, законов и категорий, специально предназначенных для непосредственного выражения диалектико-материалистического решения основного философского вопроса в приложении к общественному развитию. Выделение особого, социологического аспекта основного вопроса философии вызвано тем, что объективно человеческое общество представляет собой конкретный случай единства всех тех различных компонентов, соотношение которых получает теоретическое осмысление в процессе разрешения основного вопроса всякой философии. Хорошо известно, что материалистическое решение указанного вопроса в общеполитическом плане еще не означало его материалистического решения в конкретном приложении к обществу, т. е. в социологическом плане. Поскольку и человеческое общество в целом, и каждый его реально существующий элемент в отдельности есть неразрывное, практически нерасчленимое единство материального и идеального, объективного и субъективного, общественного бытия и сознания, постольку решить основной вопрос философии применительно к обществу — это и значит выяснить природу общественных явлений и процессов, определить их место и роль в общественном развитии. Поэтому те два аспекта, на которые указывает В. П. Рожин, полностью совпадают. В историческом материализме есть один единственный аспект — философский, который можно назвать также и социологическим, оттеняя тот факт, что речь идет именно о философском осмысливании истории человеческого общества.

В силу всего сказанного ни деление категорий исторического материализма на философские и нефилософские (социологические), ни различение философского (социологического) аспектов этих категорий не могут быть признаны достаточно обоснованными. Все категории исторического материализма имеют философское и только философское назначение. В историческом материализме нет нефилософских категорий.

В то же время можно согласиться с В. П. Тугариновым и В. П. Рожинным, считающими, что категории исторического материализма различны по степени обобщения и охвата общественных явлений и процессов. Но в систему категорий исторического материализма входят только

¹ Мы говорим «в данном случае», так как термин «социология» может употребляться в широком смысле, обозначая всю совокупность наук, изучающих общество. В этом смысле социология далеко не равнозначна историческому материализму. Последний вместе с диалектическим материализмом выступает в качестве философской базы социологии как науки об обществе.

те, которые общи настолько, что в состоянии выразить специфику хотя бы отдельных моментов основного вопроса философии в приложении к обществу. Когда же те или иные (как правило, менее общие) категории используются и вне исторического материализма, в специальных общественных науках, то они не несут собственно философской нагрузки, т. е. используются не в качестве инструментов для решения основного вопроса философии применительно к обществу, а имеют иное, специальное назначение. Именно так обстоит дело с категорией «исторический прогресс». Марксистская социология рассматривает процесс прогрессивного развития общества только в плане основного вопроса философии. Исследование же исторического прогресса как такового входит в задачу всей совокупности общественных наук.

Анализ различных классификаций категорий исторического материализма свидетельствует о том, что наиболее подходящей во всех отношениях является классификация, предложенная В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзоном и в основном разделяемая другими авторами¹. Общеизвестно, однако, что теория исторического материализма не ограничивается изучением общества со стороны его внутренней целостности и взаимодействия существенных сторон социальной жизни. Как диалектико-материалистическое понимание истории, она рассматривает общество в непрестанном движении и развитии. Поэтому следует отдать должное дополнению общей классификации категорий исторического материализма отдельной группой категорий, отражающих особенности процессов развития общества, как это предложено Г. Е. Глезерманом². К ней, в первую очередь, и относится понятие исторического прогресса. Наряду с противоположной ему категорией исторического регресса эта группа включает в себя также такие понятия, как собственно «общественное развитие», «социальное изменение», «общественная эволюция», «социальный скачок», «революция», «реформа» и др.

Как известно, система категорий исторического материализма создавалась двумя путями: путем выработки совершенно новых категорий, не известных домарксовской философии, и путем научного переосмысления категорий, выдвинутых предшествовавшей социологической мыслью. Группа категорий, связанных с особенностями развития общества (в том числе и понятие исторического прогресса), целиком унаследована марксизмом от домарксовской социологии. Однако это не простое заимствование. Категории, отражающие процессы развития социальной жизни, получили в историческом материализме диалектико-материалистическое истолкование и были наполнены новым содержанием. Лишь исторический материализм раскрыл их подлинную сущность и подлинно научное соотношение между ними.

§ 3. О сути понятия «исторический прогресс»

Среди многих вопросов, содержащихся в проблеме исторического прогресса, первостепенного внимания заслуживает выяснение самой сути этого понятия.

Очевидно, что когда говорят об историческом (общественном, со-

¹ См., например, Г. Е. Глезерман. О законах общественного развития. Госполитиздат, М., 1960, стр. 34—35; А. Вербин, А. Фурман. Место исторического материализма в системе наук. Изд-во Московск. ун-та, 1965, стр. 22.

² См. Г. Е. Глезерман. Указ. работа, стр. 35.

циальном) прогрессе, то имеют в виду прогресс в развитии человеческого общества, в отличие от прогресса в природе. Поскольку исторический прогресс есть частный случай прогресса, осуществляющегося в объективном мире и его отражении, постольку между историческим прогрессом и прогрессом в природе имеются как общие черты, так и отличия.

Наиболее важны следующие общие характеристики.

Во-первых, как в природе, так и в обществе, прогресс является направлением внутреннего саморазвития материи, а не каких-либо внешних, нематериальных, сверхъестественных сил.

Во-вторых, прогресс в природе и прогресс в обществе объединяет то, что и тот и другой имеют объективный характер. Объективная природа прогрессивного развития, как и любого другого объективного процесса, состоит в том, что оно складывается независимо от воли и сознания людей. Говоря более конкретно, это означает, что 1) прогресс складывается независимо от того, знают ли о нем или не знают люди¹ (прогресс в истории общества, не говоря уже о прогрессе в природе, имел место на протяжении многих тысячелетий даже в тех условиях, когда у людей не было о нем никакого представления, а все более глубокое проникновение в сущность исторического прогресса отнюдь не дает людям возможности строить свое будущее по собственному произвольному усмотрению); 2) прогресс осуществляется независимо от того, желателен он или нет тем или иным людям, партиям и классам (бурный прогресс общества в современную эпоху революционного перехода от капитализма к коммунизму неуклонен, несмотря на то, что он явно не по душе империалистической буржуазии); 3) ни отдельный человек, ни целый класс не могут отменить необратимый процесс прогрессивного развития (как и все отживающие классы в прошлом, так и империалистическая буржуазия ныне бессильна остановить ход истории и повернуть ее вспять).

В-третьих, и прогресс в природе, и прогресс в обществе представляют собой необходимый закономерный процесс.

Наконец, в-четвертых, ни в природе, ни в обществе прогресс не имеет только абсолютного характера, а в обоих случаях сопровождается регрессом, т. е. является и относительным.

Три первых момента позволяют рассматривать прогресс общества по аналогии с прогрессом в природе как естественноисторический процесс, что открывает возможность адекватного научного познания прогрессивного развития в объективном мире и его отражении.

Несколько труднее определить особенности исторического прогресса по сравнению с прогрессом в природе.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что если прогресс в природе осуществляется посредством взаимодействия слепых, бессознательных, неодоумотворенных сил, то общественный прогресс является результатом деятельности наделенных сознанием и волей людей, и поэтому он вне человеческой деятельности не существует. Исторический прогресс есть объективно закономерный результат сознательной деятельности людей, который, однако, во многом не соответствует заранее поставленным людьми целям. Далее, прогресс общества имеет более

¹ Это надо понимать не в том смысле, что познание исторического прогресса вообще не оказывает никакого влияния на ход дальнейшего восходящего развития общества, а лишь в том, что оно никогда не играет определяющей роли в этом процессе.

сложный характер, нежели прогресс в природе, поскольку само общество является наиболее сложной и высшей формой движения материи.

Кроме того, если в природе прогресс — одно из возможных и «равноправных» направлений развития, то этого нельзя сказать о прогрессе историческом, который составляет главное направление всего общественного развития. Правда, неверно было бы думать, что прогресс общества тождественен всему ходу развития человеческого общества и этим отличается от прогресса в природе. И в истории общества эпохи бурного прогресса периодически сменялись временным застоём или даже относительным регрессом. Но в историческом развитии закономерно преобладают прогрессивные изменения, и поэтому оно имеет в целом прогрессивно-поступательный характер. Иными словами, в силу того, что исторический прогресс является преобладающим направлением общественного развития, в истории человечества развитие в конечном счете совпадает с прогрессом. В этом смысле понятия «историческое развитие» и «исторический прогресс» не разнятся между собой.

Наконец, в обществе происходит значительное ускорение темпов прогресса по сравнению с природой. «Чем выше, тем быстрее идет дело»¹, — говорит Ф. Энгельс.

Таковы самые существенные общие черты и отличия исторического прогресса и прогресса в природе.

Но коль скоро историческим прогрессом мы называем прогресс, совершающийся не в природе, а в обществе, которое является чрезвычайно сложным и многогранным образованием, то с полным правом можно назвать также историческим прогресс отдельных сторон общественной жизни (прогресс технический, экономический, социальный, политический, научный, моральный и т. д.). Даже беглое сравнение современного уровня развития средств производства с их состоянием в предыдущие эпохи убеждает в колоссальном совершенствовании технической стороны материального производства. То же самое можно сказать и о человеческом познании, сравнивая современные его возможности с теми, которыми обладали наши предки. Давно уже стало привычным характеризовать прогресс техники и прогресс разума с помощью набора эпитетов: «удивительный», «колоссальный», «грандиозный», «впечатляющий» и т. д. В то же время прогресс нравственности или политической жизни далеко не всегда очевиден. Это можно объяснить тем, что на протяжении большей части истории цивилизации развитие в этих областях общественной жизни больше, чем в других, обнаруживало свою антагонистичность, зигзагообразность и неравномерность. Однако и здесь, как и в других сферах социальной действительности, рано или поздно пробивает себе дорогу тенденция к прогрессивному развитию. Все основные сферы общественной жизни переживают эпохи прогрессивного развития. Но означает ли это, что исторический прогресс сводится к прогрессу отдельных сторон общественной жизни?

Человеческое общество не является беспорядочным конгломератом разнообразных общественных институтов, а представляет собой органически целостную материальную систему, все стороны которой не только определенным образом связаны между собой, но и вообще не существуют вне этой связи, вне системы. Противоположность диалектического метода как единственно научного метода в социологии метафизическому В. И. Ленин видел, в частности, в том, что с позиций первого «общество

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 620.

рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм», а с точки зрения второго — «как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов»¹. Поэтому совершенно недостаточно, как это делает большинство буржуазных философов и историков, ограничивать исторический прогресс восходящим развитием отдельных сторон общественной жизни, а тем более — отдельных общественных явлений. Марксистский исторический материализм распространяет понятие прогресса не только на отдельные сферы общественной деятельности, но и в целом на общество как на единую социальную систему, т. е. признает не только прогресс в обществе, но и прогресс общества как целого.

С другой стороны, существенные области общественной жизни в свою очередь представляют собой относительно самостоятельные (в рамках общества как целого) системы подчиненного порядка. В своем развитии они проходят через определенные качественные состояния и в конечном счете прогрессируют. Но историческое развитие не отличается полной гармонией, оно не вовлекает в параллельный прогресс сразу все стороны общественной жизни. В силу относительной самостоятельности каждой из сфер общественной жизни прогресс одной сферы не обязательно должен сопровождаться адекватным прогрессом другой. Поэтому категория исторического прогресса выражает не механическую, суммативную совокупность прогрессивного развития отдельных сторон общества, а поступательное восхождение ко все более высоким качественным состояниям общества как единого социального организма, как органически целостной системы особого рода. Развитие же отдельных сторон общественной жизни выступает в качестве совокупности факторов исторического прогресса.

Между тем прогресс общества как целого отнюдь не всегда совпадает с прогрессом общества в целом, т. е. всей совокупности сторон общественной жизни. В антагонистический период истории прогресс не имеет всеобъемлющего характера. По отношению ко всей этой эпохе можно утверждать, что прогресс общества как целого вовсе не означает прогресса общества в целом, поскольку, во-первых, он не всегда охватывал все существенные стороны социальной жизни, и во-вторых, «... в общем и целом был предоставлен деятельности незначительного привилегированного меньшинства, между тем как огромная масса была обречена на добывание себе скудных средств существования и, кроме того, на постоянное увеличение богатств привилегированных»². Лишь с переходом к принципиально новому, коммунистическому типу общечеловеческого прогресса развитие общества как целого по пути прогресса становится прогрессом всего общества в целом, т. е. и всех его сторон, и всех его членов.

Общеизвестно марксистское положение об относительности прогресса. Применительно к обществу оно означает, что 1) всякая данная ступень восходящего развития человечества ограничена и преходяща и что 2) прогресс в одном отношении может быть регрессом в другом отношении. Однако прогресс общества не только относителен, но и абсолютен. Абсолютность исторического прогресса выражается в том, что он составляет преобладающее направление общественного развития. Развитие человечества идет в общем и целом по пути прогресса. Более

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 165.

² К. Маркс и Ф. Энгельс: Соч., т. 19, стр. 113.

того, в отношении истории общества, как уже отмечалось, можно говорить о совпадении понятий развития и прогресса, но при условии, и это важно, что дело идет о переходе общества как целого от одного качественного состояния к другому. Кроме того, прогресс общества абсолютен и в том смысле, что возможности продвижения человечества к новым высотам поистине безграничны. Каждая достигнутая людьми ступень прогресса таит в себе неограниченные потенциальные возможности дальнейшего восхождения ко все более высоким формам. Человечество вообще никогда не исчерпает всех возможностей своего прогрессивного движения.

Констатация абсолютности прогресса в общественном развитии наряду с моментом его относительности проливает свет на понимание регресса в истории общества. В отличие от общественного прогресса, момент относительности которого не снимает его абсолютности, исторический регресс, напротив, только относителен. Это означает следующее: 1) регресс не является направлением развития всего человечества, а есть нисходящая ветвь в эволюции тех или иных цивилизаций либо, в крайнем случае, отдельных сторон общественной жизни; 2) по отношению к человечеству как целому регресс выступает лишь в качестве временного, преходящего момента. Тем не менее, исторический регресс — это не какой-то абстрактно-метафизический, идеальный антипод реального прогресса, мысленный полюс, который совсем не угрожает людям. Он есть диалектическая противоположность прогресса, при определенных условиях из него самого возникающая. И применительно к обществу развитие далеко не полностью тождественно прогрессу. Если их совпадение действительно в приложении к обществу (человечеству) как целому, то в отношении различных компонентов целого этого уже сказать нельзя. Поэтому и на общественную жизнь распространяется положение о том, что развитие есть единство прогрессивных и регрессивных изменений. Однобокий подход к нисходящей ветви развития, который сказывается, с одной стороны, в игнорировании опасности усиления регрессивных тенденций в истории, а с другой, — в чрезмерном раздувании этой опасности, составляет гносеологический источник ошибок в интерпретации проблемы направленности исторического процесса.

§ 4. Значение принципа рассмотрения общественного развития как естественноисторического процесса для понимания прогресса общества

Марксизм, писал В. И. Ленин, «рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли, сознания и намерений людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения»¹. Этот единственно возможный для подлинной науки подход к изучению своего объекта впервые открыл путь научному исследованию общества, его истории, его развития и прогресса.

Диалектико-материалистический подход к общественному развитию (и прогрессу, составляющему ведущее его направление) как к естественно-историческому процессу, названному В. И. Лениным основной идеей Маркса, без которой невозможно существование общественной нау-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 166.

ки¹, предполагает рассмотрение общественного движения таким, каким оно есть само по себе, на самом деле, вне его отношения к познающему субъекту, без каких бы то ни было посторонних добавлений. Это достигается путем исключения из исследования каких-либо ценностных, оценочных суждений. Возможность такого исключения обеспечивается сведением всех общественных отношений к производственным, а последних — к уровню материальных производительных сил.

В философский обиход прочно вошло деление суждений, с одной стороны, на констатирующие сами объекты и связь между ними, а с другой, — на констатирующие наше отношение к объектам действительности. Это различие суждений факта и суждений ценности имеет весьма глубокий смысл. Оно позволяет отличить собственно познавательный аспект общественного знания от его аксиологического, ценностного аспекта.

Как известно, все существующее в мире может выступать как сущее само по себе, вне отношения к нам, людям, и как сущее для нас. Последние исследования² показывают, что разграничение этих понятий имеет не только гносеологический, но и аксиологический смысл, давая основу для определения ценности как отношения значимости бытия для субъекта. Сущее само по себе — это имманентная определенность бытия, взятая безотносительно к человеческим потребностям и интересам, независимо от того, какое оно имеет значение для человека. Сущее для нас — это бытие чего-либо в его значении для человеческих потребностей, интересов и целей. Нетрудно увидеть, что сущее для нас основывается на сущем самом по себе. Именно само бытие придает смысл ценности, так как имманентная определенность бытия обуславливает то, какое оно имеет значение для субъекта.

Суждения, выражающие сущее само по себе, вне его отношения к нам, есть суждения факта. Суждения, которые схватывают сущее для нас, относятся к оценочным суждениям, или суждениям ценности. Поскольку в самой объективной действительности реальная ценность чего-либо зависит от его имманентных характеристик, постольку получение истинных оценочных суждений предполагает наличие истинных суждений факта, но не наоборот. Истинность оценки ценности опосредована истинностью знания об объекте самом по себе. Поэтому не наука для доказательства своих выводов должна обращаться к аксиологическим критериям, а наоборот, истинность принципов аксиологии логически может быть подтверждена в той мере, в какой они отвечают данным науки.

Определение прогрессивного и регрессивного в обществе, как и в природе, относится к первого рода суждениям — суждениям факта, а не к суждениям ценности, ибо с позиций исторического материализма общественное развитие рассматривается как естественноисторический процесс. Поэтому суждения о прогрессивном и регрессивном в развитии общества было бы неверно выводить из суждений о социально ценном. Напротив, если согласиться, что знание о прогрессе и регрессе есть знание о факте самом по себе, а это следует из марксистского принципа рассмотрения общественной эволюции как естественноисторического процесса, то следует признать и то, что истинное знание о социально ценном опосредовано истинным знанием об исторически прогрессивном.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 138, 430 и др.

² См. И. Паси. Оценъчни сьждения. Ж. «Философска мисъл», 1962, № 3; В. О. Василенко. Цінність і оцінка. Вид-во «Наукова думка». Київ, 1964.

В то же время существующее само по себе, вне отношения к нам, представляет собой единство сущего в себе и сущего для другого (для другого объекта, но не для субъекта). По словам В. И. Ленина, «в жизни в движении все и вся *бывает* как «в себе», так и «для других» в отношении к другому, превращаясь из одного состояния в другое»¹. Сущее в себе самом характеризует момент устойчивости, постоянства, самостоятельности явлений, тогда как сущее в отношении к другому выражает всеобщую связь и изменчивость в мире — «превращение из одного состояния в другое». В соответствии с этим суждения, выражающие сущее в себе самом и сущее для другого, хотя и являются суждениями одного типа, все же отличны друг от друга. Если первые — простое обозначение объектов, то вторые — их сопоставление и сравнение по имманентным характеристикам. Только в том смысле, что суждения второго рода являются сравнительными, о них иной раз говорят как об определенном роде оценке. Однако оценку в этом понимании неправильно было бы отождествлять с оценкой ценностного отношения, или оценочным суждением ценности. Ее отличие состоит в том, что она выражает осознание взаимоотношения двух или более объектов, между тем как определение ценности объекта — это всегда определение его ценности по отношению к субъекту. Значит, суждение о прогрессивном и регрессивном в развитии общества, впрочем, как и во всяком развитии, в известном смысле можно назвать оценкой. Но оно не относится к разряду оценочных, или ценностных суждений.

Знание о развитии, прогрессе и регрессе, в том числе об историческом развитии, прогрессе и регрессе, выражая объективно реальное отношение различных качественных состояний, относится к такому роду оценки, которая не содержит суждений ценности. Таким образом, всякое суждение о прогрессе и регрессе действительно может быть признано оценкой определенных качественных состояний, однако эта оценка не есть определение ценности данного качества для субъекта. Категории «развитие», «прогресс» и «регресс» не входят в систему категорий аксиологии. Более того, как уже указывалось, необходимой предпосылкой истинности осознания ценности служит достижение истинного знания об имманентных определенностях сущего самого по себе, в том числе адекватного познания различных качественных определенностей и их объективных взаимоотношений. Познание объективных тенденций исторического развития дает основание для правильного осмысления ценностных отношений, критерием отнесения которых к положительным или отрицательным является их соответствие или несоответствие объективному прогрессу человечества². В связи с этим попытки определить понятие исторического прогресса с помощью аксиологических категорий с самого начала обречены на неудачу³.

Противоположной крайностью по сравнению с ошибочным перенесением категории прогресса в плоскость аксиологии является отрицание всякой связи единственно возможного научного принципа рассмотрения прогрессивного развития общества — исследования его как естествен-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 97.

² См. В. П. Тугаринов. О ценностях жизни и культуры. Изд-во Ленингр. ун-та, 1960, стр. 4, 111; В. О. Василенко. Цінність і оцінка, 1964, стр. 21.

³ См. критический разбор определения исторического прогресса, данного чехословацким ученым Я. Энгстом, в нашей статье «К определению понятия исторического прогресса». «Вестник Харьковского университета, серия философии», вып. I, 1965.

ноисторического процесса — с ценностным подходом. Это выражается в приравнивании марксистского требования объективности исследования общественной жизни и ее прогресса к так называемому объективизму. В свое время В. И. Ленин с достаточной ясностью указал на существенную разницу между ними.

Диалектико-материалистический метод не только не отвергает оценки исторического процесса с точки зрения потребностей и интересов определенного субъекта, но именно он и только он дает основу для правильного, не противоречащего науке, а согласующегося с ней ценностного подхода к общественному развитию (прогрессу). С естественнонаучной точностью определяя объективные тенденции исторического развития, его восходящее направление и нисходящую ветвь в каждую данную эпоху, научный социологический анализ указывает социальные группы и классы, собственные потребности которых совпадают с объективным движением общества по пути прогресса, и тем самым дает возможность установить конкретных носителей исторического прогресса, с чьих позиций необходимо оценивать совершающееся историческое движение. В отличие от объективиста, рискующего всегда сбиться на точку зрения апологета фактов, социолог-материалист не довольствуется констатацией необходимости процесса, а идет гораздо дальше, выясняя, «какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость»¹. Отсюда «материализм включает в себя... партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»².

Коммунистическая партийность в исследовании исторического прогресса означает изучение его с позиций тех социальных групп и классов, которые в силу своей объективной природы выражают историческую необходимость и двигают общечеловеческое развитие вперед. Таким образом, марксистский ценностный, партийный подход к общественному движению не противоречит объективному анализу прогрессивной эволюции человечества как естественноисторического процесса, а исходит из него и получает в нем свое научное обоснование. В то же время научное социологическое исследование исторического процесса через посредство правильной оценки общественного развития с позиций прогрессивных социальных сил (через посредство ценностного подхода к социальной жизни) получает связь с практикой социального действия, формулируя для нее научно обоснованные рекомендации, претворение которых в действительность призвано облегчить муки рождения нового и по мере возможности ускорить темпы общественного прогресса. Стало быть, диалектико-материалистическое понимание исторического развития (прогресса) впервые проложило подготовленный самим ходом истории путь сознательному и свободному, основанному на познанной необходимости творчеству по практическому созиданию общественного прогресса. Третья часть населения мира уже вступила на этот путь.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 418.

² Там же, стр. 419.

В. И. ЛЕНИН О ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО СООТНОШЕНИЯ НЕОБХОДИМОСТИ И СВОБОДЫ

О. Г. Берзин

Гносеологическое обоснование В. И. Лениным марксистского учения о необходимости и свободе создает методологические предпосылки для решения проблемы активности субъекта в необходимом преобразовании действительности — центральной проблемы современности.

Актуальность ленинской разработки марксистской гносеологии в этом аспекте обусловила значительное внимание к ней в философской литературе. Однако в силу сложности и многосторонности проблемы в ее решении имеется еще ряд недостатков. Наиболее существенным из них, особенно в работах, посвященных непосредственно ленинскому учению о необходимости и свободе, является поверхностный анализ нового, собственно ленинского в этом учении; исследование марксистско-ленинской гносеологии в этом направлении остается важной задачей.

В основу решения проблемы должны быть положены известные ленинские гносеологические посыпки диалектико-материалистического определения свободы¹. Порядок следования посылок определяет в целом последовательность изложения материала.

Содержащееся в этих посылках положение о существовании объективной необходимости внешнего мира и обусловленности ею сознания и воли человека требует раскрытия (в плане определения свободы необходимостью) объективных оснований достижения свободы, содержащихся в развитии самой действительности, так как в марксистском понимании свобода является не просто субъективной способностью, а «выступает как особая форма необходимости и... момент реального процесса»².

Гносеологическое положение о принципиальной познаваемости сущности вещей требует в связи с превращением «слепой» необходимости в познannую исследования оснований и особенностей достижения свободы на путях познания. Включение практики в теорию познания как гносеологическое основание осуществления свободы на деле в свою очередь требует выяснения специфических особенностей достижения свободы в процессе практического преобразования действительности на основе единства познания и практики.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 196—198.

² Л. В. Скворцов. Развитие В. И. Лениным марксистского понимания свободы в борьбе против апологии капиталистического рабства. «Вестник Московского университета, серия 8, экономика, философия», 1960, № 2, стр. 38.

Такая последовательность рассмотрения проблемы обуславливает постепенность раскрытия определений необходимости и свободы, установления их диалектической взаимосвязи.

При обосновании объективно необходимой обусловленности свободы В. И. Ленину приходилось вести борьбу прежде всего против извращения марксистской гносеологии со стороны субъективно-идеалистических течений, таких, как ревизионизм бернштейнианского типа, народничество, махизм и т. д., — вплоть до левооппортунистических субъективистских концепций, всегда содержащих в скрытом виде идеалистические посылки.

Главной опасностью здесь являлся ревизионизм, непосредственно опиравшийся на гносеологию Канта в ее неокантианской интерпретации. Бернштейн, Струве и другие «отцы ревизионизма» провозглашали в неокантианском духе абсолютную противоположность природной необходимости и свободы. Если Кант, противопоставляя детерминизм как внешнее причинное определение свободе как самоопределению, способности «с а м о п р о и з в о л ь н о начинать состояние»¹, выдвигает при этом действительно важную проблему значения самоопределения в достижении свободы, то его эпигоны переносят центр тяжести на вопрос о совместимости детерминизма со свободой действия, производный от общего решения проблемы, пытаясь при этом доказать их несовместимость на основе механистического истолкования детерминизма, исключающего объективные возможности выбора, а следовательно, и свободу действия. Поэтому детерминизм отождествлялся ими с фатализмом. Подобный фатализм приписывался марксистскому детерминизму, в частности, материалистическому пониманию истории, в целях опровержения объективности исторической закономерности². В этой связи важно отметить, что детерминизм идеалистического механицизма в понимании природы смыкается, как правило, с индетерминизмом в трактовке деятельности субъекта.

В. И. Ленин, в противоположность кантианскому истолкованию детерминизма как внешнего причинного определения, снимающего внутреннюю активность предмета, раскрывает необходимое развитие действительности как с а м о д в и ж е н и е в силу противоречий в сущности предмета, борьбы противоположностей — источника необходимого развития³. Важное значение имеет здесь ленинское указание на то, что каузальность в ее традиционном понимании есть лишь «малая частичка», «одно из определений» универсальной всемирной связи⁴.

Ленинское обоснование необходимого развития как самодвижения следует положить в основу доказательства объективно необходимой обусловленности свободы и вместе с тем совместимости свободы с необходимостью ввиду наличия объективных оснований свободы. Надо отметить, что исследованию проблемы необходимости и свободы в связи с концепцией самодвижения почти совсем не уделяется внимания.

Материалистическая концепция самодвижения прежде всего опровергает кантианское субъективистское истолкование самоопределения, отрывающее свободу от необходимости. Она ставит движение сознания и воли субъекта, реализующего свободу, в зависимость от необходимого

¹ И. Кант. Критика чистого разума. СПб., 1915, стр. 317.

² См. Э. Бернштейн. Очерки из истории и теории социализма. СПб., 1902, стр. 316; Э. Бернштейн. Исторический материализм. СПб., 1901, стр. 7—8.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 317.

⁴ См. там же, стр. 144, 146.

самодвижения реальной действительности, т. е. обуславливает достижение свободы объективно необходимым развитием. В этом и состоит значение ленинских гносеологических положений о признании объективной необходимости внешнего мира и определении ею сознания и воли человека в решении проблемы свободы.

Вместе с тем сказанное выше не означает сведения свободы к необходимости, того отождествления свободы с самоопределением материи, которое мы находим у некоторых философов-материалистов прошлого (Спиноза) и настоящего¹. Достижение свободы связано с субъективностью², с познанием и практической деятельностью человека.

Объективно необходимое самодвижение не тождественно свободе, но оно создает, как мы увидим ниже, объективные возможности ее достижения. Поэтому важно подчеркнуть здесь различие метафизического материализма, отстаивающего неразрывную связь материи и движения, самодвижение материи, и идеалистического кантианского механицизма, субъективно-идеалистическое истолкование которым детерминизма полностью исключало объективное самодвижение, а следовательно, и объективные основания свободы. Борьба В. И. Ленина против кантианства имеет, таким образом, непосредственное отношение к проблеме свободы³. В этом смысл и значение первой из ленинских гносеологических посылок свободы.

Страдает ограниченностью и гегелевская трактовка самодвижения. В. И. Ленин отмечал непонимание Гегелем «диалектического перехода от материи к движению, от материи к сознанию»⁴, приводящее в истолковании самодвижения к «мистике и измене развитию»⁵.

Внутренняя связь необходимости и самодвижения позволяет установить в развитии самой действительности объективные основания достижения свободы в познании и практике.

Наличие необходимой тенденции развития действительности создает объективную возможность выделять основное «прямое» направление развития в зигзагообразном «слепом» развитии необходимости в связи со случайностью, т. е. возможности господства над случайностью. В то же время влияние внешней случайности, способной ускорять или замедлять необходимое течение процесса, изменять его внешнюю форму, создает объективные предпосылки для определенного воздействия на неизбежность осуществления необходимости, которую поэтому нельзя трактовать в смысле бытующих еще иногда определений как наступление событий «совершенно определенным образом, только так, а не иначе» и т. п.

Обусловленность необходимого развития как самодвижения противоречием в сущности объекта определяет существование необходимости в возможности как тенденции; влияние случайности на становление необходимости создает многообразие возможностей развития необходимости. Неоднозначность необходимого развития определяет объективные основания господства над самой необходимостью.

Важное значение в подтверждение сказанного имеет ленинская критика махиста Петцольдта, преобразовавшего «закон причинности в закон однозначности определяемости», согласно которому «природа не

¹ См. М. Бунге. Причинность. Изд-во иностр. лит-ры, М., 1962, стр. 210—211.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 148.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 159, 162—163, 174.

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 256.

⁵ См. там же, стр. 157.

выбирает ни одного из бесчисленных других возможных направлений», ибо они были бы «многозначны». В. И. Ленин характеризует Петцольдта как чистейшего метафизика, «который понятия не имеет об относительности различия случайного и необходимого»¹.

Установление объективных оснований свободы в развитии действительности позволяет непосредственно перейти к рассмотрению достижения свободы, прежде всего в познании.

В решении этого вопроса принципиальное значение имеет борьба В. И. Ленина против кантианского агностицизма, отрицающего познаваемость сущности вещей, — ведь именно с познанием сущности объекта связано теоретическое раскрытие необходимого развития как самодвижения. Отсюда значимость для решения проблемы ленинских гносеологических положений об отсутствии всякой «принципиальной разницы между явлением и вещью в себе», о превращении «вещи в себе» в «вещь для нас» в связи с превращением «слепой необходимости» в познательную².

Специфической особенностью теоретического познания является не просто определение необходимости как действительности, а опережение наличного развития, раскрытие в действительном необходимого как возможного. Принципиальная познаваемость сущности вещей, наличие необходимости в возможности как общей тенденции развития создают объективные основания теоретического опережения и предвидения, т. е. достижения свободы в теории.

Обосновывая гносеологически осуществление свободы в познании необходимости, В. И. Ленин прежде всего выступил против ревизионизма, в духе кантианства, отрицавшего эту свободу. Кантианское отнесение свободы лишь к недостижимой области долженствования непосредственно связано с учением о непознаваемости сущности вещей, с принижением знания. У ревизионистов-неокантианцев, например у Струве, отрыв должного от сущего «дополняется» отрицанием объективности области долженствования, которое якобы есть «величайшая претензия не в меру зазнавшейся и переступившей свои границы «серой» теории»³; ревизионисты отождествляли необходимость и бытие. На этой основе констатация факта существования капитализма превращалась в оправдание его необходимости и в будущем.

В. И. Ленин, опровергая ревизионистскую апологию капитализма, доказывал неправомерность распространения факта существования на «область рассуждений о будущем»⁴. Он требовал раскрытия действительности как противоречия⁵, подчеркивал, что познание определяет бытие сущность.

Активность познания по отношению к действительности в этом плане резюмируется в диалектической логике ленинским положением о противоречии, борьбе противоположностей как сути, ядре диалектики⁶. Отсюда вытекает ленинское различие двух концепций развития, направленное против ревизионистской метафизики и в особенности, на что мало обращало внимание, против методологии оппортунизма каутскианского толка.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 77, 167—168.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 102, 196—197; т. 29, стр. 97, 153.

³ П. Струве. На разные темы (1893—1901). СПб., 1902, стр. 507.

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 444.

⁵ См. там же, стр. 418.

⁶ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 201, 316.

Теоретики этой разновидности оппортунизма, не понимая активности познания в раскрытии противоречивости бытия и опережения на этой основе развития действительности, скатывались к копированию в познании стихийного развития необходимости, осуществляющегося зигзагообразно, с поворотами и отступлениями. Между тем научное познание заключается именно в выделении «главного ствола» необходимого направления развития в противоположность внешней случайности¹.

В этой связи очень важна борьба В. И. Ленина против меньшевистской подмены марксистской диалектики «диалектикой» стихийного объективного процесса. Процесс действительного развития, указывал Ленин, всегда идет запутанно. «Но . . . может ли диалектика запутанного, стихийного процесса оправдывать путаницу в логике сознательных социал-демократов? Не значит ли это подменять диалектику в смысле Маркса диалектикой в смысле Плеханова?»².

Ленинская трактовка развития опровергает оппортунистическую «теорию производительных сил», каутскианскую «теорию ультраимпериализма» и тому подобные теории, игнорирующие прерывистый, скачкообразный характер необходимого развития вследствие противоречия в его основе.

Обобщенным выражением ленинского обоснования активности познания явился принцип единства диалектики и теории познания, включающей логику. Он заключает в себе признание отражения объективной диалектики в познании и вместе с тем активности познания по отношению к бытию, выражающейся в раскрытии и «заострении» его противоречивости, в отрицании на этой основе определенных сторон действительности, в определении скачкообразного характера будущего развития и т. д.³ В этом коренное отличие марксистско-ленинской диалектики как теории познания от «вульгарной диалектики» лидеров II Интернационала, слепо копирующей стихийное течение процесса, что в принципе исключает активность познания.

Теоретическая свобода, достигаемая познанием необходимости, является основой реализации свободы в практике. Теория, выделяя необходимое, создает возможность направлять практику по пути необходимого преобразования действительности вопреки стихийным колебаниям объективного процесса; здесь она является условием реального господства над случайностью.

Определяя различные возможности реализации необходимости, теория создает предпосылки для направления практики по пути реализации наиболее прогрессивной возможности необходимого развития; здесь она выступает как условие реального господства над самой необходимостью, над стихийно необходимым выбором пути развития.

Действительное осуществление свободы связано непосредственно с практикой, с реальным изменением внешнего мира. Особенности практической свободы раскрываются в ленинском анализе различных возможностей практической реализации исторической необходимости. Практика определяет реальный выбор пути, типа, форм необходимого развития, обуславливает изменение порядка развертывания необходи-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 497.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 369.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 98—99, 128, 178—179, 202—203.

мого процесса и т. д.¹. Тем самым достигается действительное господство над стихийным самодвижением объективной необходимости.

В процессе практического преобразования действительности теоретическая свобода либо реализуется, либо выясняется ее несостоятельность. Значимость практической свободы в определении действительности теоретической свободы выражается гносеологически принципом включения практики в теорию познания — центральным принципом марксистско-ленинской гносеологии².

В. И. Ленин, выделяя этот принцип, подчеркивает необходимость единства теории и практики «именно в теории познания», в установлении объективной истины³. Объективная истина характеризует достижение свободы в теории на основе единства с практикой. При этом нужно учитывать ленинское положение о «неопределенности» критерия практики⁴, указывающее на самостоятельный аспект теоретической свободы, не исчерпываемый данным развитием практики. С другой стороны, практика также имеет собственный аспект свободы, не охватываемый теоретическим познанием действительности. Особенности этого аспекта раскрываются в ленинском учении о соотношении теории и стихийно-революционной практики масс.

В. И. Ленин указывал, что в периоды непосредственной реализации исторической необходимости массовая практика выступает «активным творцом новых общественных порядков»,⁵ что когда народные массы сами «начинают творить историю, воплощать в жизнь прямо и немедленно «принципы и теории», тогда действенной силой становится «разум масс, а не разум отдельных личностей»⁶.

Ленин подчеркивал значение выхода нового, создаваемого в процессе практики, за рамки теоретически определяемого, ценность нового в движении действительности⁷, дающего реальное развитие.

Ограничиваться в практическом преобразовании ранее предпринятым теоретическим определением развития — значит идти за процессом создания нового, за действительным развитием, т. е. отказываться от господства над этим развитием, от свободы на деле.

Отсюда ленинская критика меньшевистского описания и объяснения процесса развития, а не руководства им, критика в духе 11-го тезиса Маркса о Фейербахе. Отсюда ленинское требование доведения теории до тактики, до лозунга практической борьбы⁸, — это обуславливает реальность свободы как господства над действительным процессом развития. Здесь полностью раскрывается активность познания по отношению к действительности, то превращение идеального в реальное, важность которого для истории отмечал Ленин⁹.

Признание наличия самостоятельных аспектов теоретической и практической свободы углубляет понимание единства познания и прак-

¹ См. подробнее об этом О. Г. Берзин. В. И. Ленин об объективных основаниях свободы в процессе реализации исторической необходимости. «Вестник Харьковского университета», № 6, серия философии; вып. 1, 1965.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 103, 140—142, 145; т. 29, стр. 173, 183, 193.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 200.

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 145—146.

⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 103.

⁶ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 327.

⁷ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 1—2, 373—379.

⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 31.

⁹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 104.

тики в осуществлении свободы. Для достижения свободы на деле теория должна доходить до практики, охватывать новое, возникающее в практике. С другой стороны, необходимо подходить к вопросу о проверке практикой действительности теоретической свободы конкретно, учитывая место данной практики в опыте человечества, отражаемом теорией. Таким образом, действительное достижение свободы связано с единством теоретической и практической свободы в смысле их взаимного дополнения, «взаимопроникновения», органического единства теории и практики, в котором снимаются специфически присущие им аспекты свободы, а вместе с тем и их ограниченность в отношении друг друга.

В гносеологическом плане это выражается ленинским учением о конкретности истины, которое дополняет учение об объективном характере истины, раскрывая новые стороны принципа включения практики в теорию познания.

Рассмотрение этапов развития свободы резюмируется в гносеологии известным ленинским определением диалектической логики¹. Требование изучения всех связей и «опосредствований» предмета означает, в применении к исследуемой проблеме, необходимость рассмотрения как внутреннего, так и внешнего опосредствования развития в их единстве. Положение о необходимости «брать предмет в его развитии, «самодвижении» определяет достижение свободы в теории. Включение в познание практики как критерия истины указывает на связь теоретической свободы с практической. Наконец, положение о конкретности истины характеризует слияние теоретической и практической свободы в ее действительном осуществлении.

Ленинское гносеологическое обоснование марксистского определения свободы существенно углубляет понимание взаимосвязи необходимости и свободы, показывает сложный, непрямой, противоречивый характер достижения свободы в процессе познания и практического преобразования действительности. Ленинское учение о необходимости и свободе имеет принципиальное значение для определения соотношения субъективных и объективных факторов в необычайно сложном противоречивом развитии современности.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 290.

ЛЕНИНСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ КОРНЯХ ИДЕАЛИЗМА И КРИТИКА ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВ АНТИКОММУНИЗМА

В. Н. Вельцман

Важным вкладом В. И. Ленина в марксистскую методологию является его положение о гносеологических корнях идеализма. Ленинские принципы критики гносеологической несостоятельности идеализма представляют собой общеметодологическую основу для разоблачения самых различных форм антинаучного мировоззрения.

Среди этих форм роль главного идейно-политического оружия империалистической буржуазии играет антикоммунизм, борьба против которого, как подчеркивается в Программе КПСС, имеет важнейшее значение.

Разоблачение политической реакционности и гносеологической несостоятельности антикоммунизма представляет собой две органически связанные стороны критики его философских основ. В борьбе против буржуазной идеологии важно показать, что ее выводы противоречат логике общественного прогресса и являются непримиримо враждебными делу коммунизма, но не менее важно доказать, что это вытекает из их гносеологической неправомерности, возникающей в результате воздействия классового субъективизма империалистической буржуазии на процесс отражения социальной действительности и тенденций ее развития.

Повышение эффективности критики антикоммунизма необходимо предполагает гносеологический анализ принципов его построений и аргументов. И это в полной мере достигается с позиций ленинских положений о гносеологических корнях идеализма. В данной статье предпринята попытка показать именно эту сторону их многогранного общеметодологического значения для критики антинаучного мировоззрения.

* * *

В. И. Ленин раскрыл общие, необходимо повторяющиеся моменты в возникновении любых систем идеализма. Это позволяет глубоко аргументированно критиковать философские основы идеологии антикоммунизма, все существующие сейчас течения и школы идеалистической философии, из которых теоретически вырастают и на логику которых опираются антикоммунистические выводы.

В. И. Ленин отмечал, что гносеологические корни идеализма — это «прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость,

субъективизм и субъективная слепота»¹. Философский идеализм есть одна из черточек, сторон, граней познания, превращенная в абсолют.

Сущностью гносеологических корней идеализма, как следует из анализа указаний В. И. Ленина, является метафизический, субъективистский подход к предмету познания. Этот антинаучный подход представляет собой единство гносеологических и социальных моментов, в котором определяющую роль играют социальные (классовые) корни идеализма.

Социальной причиной гносеологических принципов идеологии антикоммунизма служит классовый интерес империалистической буржуазии, который обусловливает, закрепляет и широко распространяет антикоммунистические извращения истины.

Гносеологически антикоммунизм представляет собой спекулятивное искажение марксистского учения о коммунизме, политики и практики коммунистических партий, преднамеренное метафизическое, субъективистское отражение действительности в странах, строящих социализм и коммунизм, в лагере социализма, а также апологетику современного капитализма.

В качестве логических каркасов и аргументов антикоммунизм широко использует самые разнообразные формы искажения познания — от гносеологических построений идеалистических систем до откровенного фидеизма. Поэтому именно в антикоммунизме наблюдается сейчас наибольшее смешение различных, порой противоположных, теоретических положений. Ложь всегда логически несостоятельна, и поэтому для видимого устранения внутренней несовместимости отдельных положений используются удобные в данном случае философские подпорки, выдергиваемые из любой идеалистической системы.

Экзистенциалисты, например, пытаются доказать, что коммунизм не единственно возможный путь развития человечества, в духе своей субъективно-идеалистической концепции отрицают объективность законов истории, а также способность людей познавать их, научно предвидеть будущее. И одновременно для подтверждения мнения о бессилии человека перед неотвратимо действующими силами они прибегают к основному аргументу неотомизма: история — это шествие бога. Прикрывая ложность агностицизма и волюнтаризма, экзистенциализм хватается за фатализм. Субъективный идеализм ищет подтверждения своих положений у объективного идеализма. И вообще воспевание многими экзистенциалистами (Ясперс, Марсель, Реслер и др.) иллюзорности и ничтожности реальной жизни базируется на разных (в рамках идеализма) положениях о боге и экзистенции².

«Социология знания» (Маннгейм, Боннер) в своем стремлении выйти из тупика, в который заводит буржуазных идеологов прямое отрицание классового характера любого мировоззрения, обращается к марксистскому положению об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию. Однако это истинное диалектико-материалистическое положение искажается в прагматистском духе. Сторонники «социологии знания» согласны с тем, что каждое мировоззрение имеет классовую значимость. Но это, по их мнению, объясняется не тем, что в идеологических формах отражается объективная реальность под углом зрения определенной социальной группы, а будто бы

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 332.

² См., например, К. Jaspers. Existenzphilosophie, Berlin, 1938, s. s. 1—2; К. Jaspers. Einführung in die Philosophie, Zürich, 1950, s. 63.

тем, что в них безотносительно к действительности фиксируется лишь интерес этой группы. Абсолютизируя субъективные моменты, буржуазные социологи утверждают, что якобы ни одна идеология не может быть истинной. Так «социология знания» устраняет ничем не прикрытую ложь, «признает» одно из положений исторического материализма и с помощью релятивизма делает свою антинаучность и реакционность более «логичной» и «доказательной».

Пестрота философских основ современного антикоммунизма — образец самой беспринципной эклектики. В этом заключается прежде всего слабая сторона теоретических основ антикоммунизма. Она выражает безысходный исторический и логический тупик идеалистической философии.

Но в эклектике антикоммунизма кроется и определенная опасность. Эклектические построения значительно труднее гносеологически распутывать и доказательно критиковать. Самое же важное — это то, что эклектические построения антикоммунизма очень часто играют роль ловушки с набором разнообразных приманок, на которые могут попасться и ученые, ранее стоявшие «вне политики», через сознательно принимаемые ими гносеологические принципы, которые теперь (как это может произойти при ознакомлении с какой-нибудь ранее не известной буржуазной социологической концепцией) совпали (!) с некоторыми антикоммунистическими; и люди без сознательно определенной философской позиции, и разочаровавшиеся в каком-то идеалистическом направлении, но нашедшие в эклектике антикоммунизма нечто «новое» и «убедительное».

Все это нельзя недооценивать или игнорировать в борьбе за умы людей. Для усиления действенности критики необходим учет всех сторон нашего идейного противника.

Антикоммунизм — не только и не всегда грубое, открытое выступление против теории и практики коммунистического движения. В его арсенале значительное место занимают гносеологически тонко маскируемые выводы, играющие роль отравленного оружия. Схоластика и эклектика, одностороннее выхватывание отдельных моментов действительности, спекуляция на противоречивом единстве сущности и видимости, субъективистское приписывание марксизму логических противоречий, «изобличение» коммунистов в несовместимости их теории и практики, сознательное догматическое распространение истин марксизма за рамки их исторической применимости и другие подобные гносеологические приемы являются наиболее характерными для антикоммунистических измышлений.

В познании мы сталкиваемся, например, с видимостью (кажимостью), которая представляет собой одну из сторон развития знаний от явления к сущности. «Кажущееся есть сущность в *одном* ее определении, в одной из ее сторон, в одном из ее моментов. *Сущность* кажется тем-то. Кажимость есть явление (Scheinen) сущности самой в себе»¹, — писал В. И. Ленин.

Восприятие сущности в искаженном виде есть результат воздействия на субъект определенных условий, в которых осуществляется отражение. Но возможность такого восприятия определяется и противоречивостью самой сущности, в силу которой она может проявляться относительно субъекта односторонне. Кажимость, таким образом, не бес-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 119.

предметна. Ее природа является единством объективного и субъективного. Эта противоречивость широко используется идеалистами.

Выхолащивая объективное содержание видимости, идеалисты делают спекулятивные выводы о том, что отражение вообще иллюзорно и человек якобы никогда не сможет узнать, каков в действительности мир (агностицизм, скептицизм), что нет даже возможности логического познания (иррационализм). И эти гносеологические выводы идеализма широко используются антикоммунизмом. На их основании конструируются социологические построения, отрицающие диалектико-материалистическое учение о детерминированности общественной жизни, объективность законов истории, возможность их познания и активного отношения к ним, поступательный характер развития человеческого общества и возможность научного предвидения.

Весьма характерны различного рода антинаучные измышления, основанные на абсолютизации объективного момента видимости. Видимость как отражение лишь одной стороны сущности в этом случае софистически выдается за всю, но уже иную, сущность.

Подобный прием лежит в основе гносеологической природы мифа об исчезновении эксплуататорских классов в нынешнем капиталистическом обществе, широко и в разнообразных формах распространяемого идеологами империализма.

Процесс концентрации производства, характерный для последней стадии капитализма, приводит, как показал В. И. Ленин, ко все большему паразитизму буржуазии. Капиталисты — владельцы производственных мощностей и финансового капитала, вступая в монополистические объединения, не только не теряют права собственности на вложенные средства и продолжают получать соответствующую долю прибыли, но приобретают право контроля над всеми средствами монополии в соответствии с размерами вложенного капитала.

При образовании монополистических объединений многие капиталисты добровольно отказываются от своей производственно-организаторской функции. Производством в монополии руководят или некоторые капиталисты-собственники, или, и это стало типичным теперь, — наемные специалисты. Таким образом, дальнейшая концентрация производства и потеря некоторыми или даже всеми капиталистами данного монополистического объединения производственно-организаторской функции вовсе не означает, что они перестали быть владельцами частной собственности, эксплуататорами.

«Монополистическая буржуазия является бесполезным наростом на общественном организме, излишней для процесса производства, — указывается в Программе Коммунистической партии Советского Союза. Заводами и фабриками управляют наемные директора, инженеры, техники. Монополисты ведут паразитический образ жизни, поглощая вместе со своею челядью значительную часть национального дохода, создаваемого трудом пролетариев и крестьян»¹.

Однако буржуазные социологи представляют этот факт таким образом, будто бы капиталисты исчезли, а на их место пришли управляющие. Спекуляция на видимости того, что теперь, мол, средства производства не в руках собственников-капиталистов, а в руках управляющих, которые получают за свой труд заработную плату, как и другие трудя-

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат, М., 1964, стр. 29—30.

щиеся, используется буржуазными социологами для обоснования вывода об исчезновении классов в современном капиталистическом обществе, да к тому же без социалистической революции.

«Класс капиталистов, который знал Маркс, распался»¹, — заявляет французский буржуазный социолог Л. Лора. Это произошло, по мнению Лора, потому, что частная собственность исчезла, превратившись в акционерную, а управление предприятиями было передано наемным служащим. И пролетариат, пишет Лора, перестал быть классом, экономически зависимым и необеспеченным. Он из «палеопролетариата» превратился в «неопролетариат»². Пестрым наукообразным нарядом, новыми словечками, как говорил в подобных случаях В. И. Ленин, Лора пытается прикрыть истинное положение пролетариата в современном капиталистическом обществе, изменить неизменную в рамках империализма сущность антагонистических производственных отношений. Определяющим фактором этих существенных «изменений» в положении пролетариата Лора считает... распространение социального страхования. Капитализм, таким образом, без классовой борьбы, по Лора, стал «бесклассовым».

Именно такой гносеологически сложный и наукообразный путь к заведомо ложному утверждению избирают многие идеологи буржуазии³.

Подобная апологетика современного капитализма, имеющая прежде всего классовые корни, базируется на гносеологическом основании: эксплуататорская сущность империализма отрицается посредством абсолютизации одного из моментов ее современного состояния и проявления, отрицается путем выдавания видимости, в содержании которой отражается одна из объективно принадлежащих сущности сторон, за всю, но теперь уже совершенно иную, сущность. Спекуляция на противоречивости видимости дает возможность антикоммунистам представлять общество колоссальных социальных контрастов в совершенно противоположном свете — как общество без классов и эксплуатации, общество, где «равные возможности» уже привели к искоренению нищеты и ликвидации причин обнищания. Такое отражение капиталистической действительности и есть именно тот оторванный от жизни абсолют, который возникает, как указал В. И. Ленин, в результате одностороннего превращения грани познания в самостоятельное целое.

Абсолютизация объективного момента видимости представляет собой один из коварных приемов, применяемых врагами марксизма-ленинизма для идеологического одурманивания народных масс. Спекуляция на видимости служит одним из гносеологических истоков и таких антикоммунистических измышлений, как «народный капитализм», «трансформация капитализма», «диффузия собственности», «демократизация капитала», «социальная мобильность» и т. п.

Особенно широко используется абсолютизация объективного момента видимости ревизионистами, так как этот гносеологический прием дает возможность исказить истину в удобном им направлении и в то же время маскировать классово-эксплуататорскую подоплеку вымыслов ссылками на реальность, достоверность, общезначимость тех оснований, на которые односторонне эти вымыслы опираются.

¹ L. Laurat. La Manifeste Communiste de 1848 et le monde d'aujourd'hui, Paris, 1948, стр. 89.

² L. Laurat. La Manifeste Communiste de 1848 et le monde d'aujourd'hui, стр. 87.

³ См., например, G. Myrdal. International Economy, N. — Y., 1956, стр. 316; T. Parsons. The Structure and Process in modern Societies. N. — Y., 1960, стр. 115.

Представление стороны выражения одной сущности в качестве другого целого, обычно в качестве противоположной сущности, во всех названных здесь случаях есть исторический идеализм, ибо путем таких метафизических, субъективистских построений создаются иллюзорные образы конкретно-исторических явлений.

То, что построения антикоммунизма имеют общий с философским идеализмом «механизм», раскрытый В. И. Лениным в положениях о гносеологических корнях идеализма, может быть показано и на примере других спекуляций врагов марксизма-ленинизма.

Так, их утверждение, будто выводы о неизбежности победы коммунизма во всем мире и реальности мирного сосуществования двух социальных систем являются логически несовместимыми, основано на метафизической, односторонней трактовке положения марксизма о возможности немирного перехода от капитализма к социализму, неправомерно распространяемой на отношения между странами (так называемый «экспорт революции»).

Софистическое перенесение истинного положения марксизма о возможности мирного сосуществования государств с различными социальными системами за рамки его применимости, распространение этого положения и на сферу борьбы идей составляет гносеологический источник такого «конструктивного» предложения Запада, как лозунг «идеологического разоружения», который требует по существу отказа от всякой борьбы против буржуазии.

На основе субъективистского выхватывания отдельных еще имеющих место отрицательных явлений, временных трудностей и объективных противоречий в ходе развития социалистического общества и возведения их в абсолют антикоммунисты с «фактами» в руках, «доказательно» клеветают на теорию и практику коммунистических партий, на политику социалистических стран и всего социалистического лагеря.

Характерно, что наряду с усилением выступлений, в которых откровенно выражается классовый интерес самых реакционных кругов империалистической буржуазии, антикоммунизм постоянно ищет новые, все более тонкие наукообразные приемы фальсификации марксизма-ленинизма и исторической действительности, стремясь опорочить коммунистическое движение и приукрасить, замаскировать эксплуататорскую природу капитализма. И такие возможности он находит в противоречивом развитии действительности, следуя за сложным, диалектически раздвоенным путем ее научного познания. Спекулятивно вырывая отдельные стороны истины, антикоммунизм абсолютизирует их путем различных сознательных гносеологических ухищрений, однотипных по своему существу с процессом реализации возможности идеализма.

Примером одного из результатов подобных поисков антикоммунизма может служить очень модная концепция «единого индустриального общества», которая стала сейчас основной и объединяющей в идеологическом арсенале империалистической буржуазии.

В отличие от всех прежних буржуазных социологических концепций, стремившихся приукрасить, оправдать отдельные стороны современного капитализма, в этой налицо стремление сконструировать общую теорию исторического процесса и, как пишут М. Б. Митин и В. С. Семенов, «делается попытка доказать, будто все капиталистическое общество претерпело преобразования, затрагивающие самую его

основу . . . , что капиталистическое общество исчезло: его заменило «индустриальное общество»¹.

Эта концепция имеет много разветвлений. Но все они стремятся оправдать капитализм и доказать неизбежность гибели коммунизма. Причем аргументы для этого подбираются, как единодушно отмечают советские философы, в зависимости от изменяющейся обстановки.²

Краеугольным камнем концепции «единого индустриального общества» является положение о том, что социализм и капитализм — две модальности одного рода, развитие которых приведет к победе капитализма. Подобное утверждение строится на основе абсолютизации «некоторого внешнего сходства в развитии индустриальных стран социализма и капитализма» и метафизического отрыва «производительных сил (или еще точнее, экономических показателей развития общества) от производственных отношений, форм собственности»³.

Антикоммунизм, как и философский идеализм, конструирует свои выводы, вырастая пустоцветом на почве познания. Он выхватывает отдельные истинные моменты и абсолютизирует их, облекая различными домыслами.

Факты, данные практики — разящее оружие в борьбе против всех форм искажения познания. В. И. Ленин учит, что факты «не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь»⁴. Однако они играют такую роль, подчеркивает В. И. Ленин, только будучи взятыми во всей совокупности, в связи, без единого исключения. Противопоставление антикоммунистическим спекуляциям на отдельных изолированных «фактиках» всех объективно освещаемых сторон величия целей и достижений коммунистического строительства, всей правды о социалистической действительности и всех объективно освещаемых сторон современного капиталистического мира, является могучим средством борьбы против буржуазной идеологии.

Раздвоение познания обуславливается как объективной, так и субъективной диалектикой. Отражение мира путем, в конечном счете зависящим от объективной диалектики и лишь в итоге совпадающим с ней, делает познание сложным раздвоенным процессом. Это создает трудности как в познании отдельных явлений материальной действительности, так и в решении гносеологических вопросов.

Сложности познания, вызываемые его раздвоением, представляют собой реальные гносеологические условия для искаженного отражения действительности. Но в борьбе за истину у человечества со времени возникновения марксизма имеется надежное, все более совершенствующееся орудие познания и преобразования мира — материалистическая диалектика, которая позволяет постигать противоречивость внешнего

¹ М. Б. Митин, В. С. Семенов. Движение человечества к коммунизму и буржуазная концепция «единого индустриального общества». — «Вопросы философии», 1965, № 5, стр. 40.

² См. Ю. А. Замошкин. Теория «единого индустриального общества» на службе антикоммунизма — в кн. «Марксистская и буржуазная социология сегодня». Изд-во «Наука», М., 1964; цит. статья М. Б. Митина, В. С. Семенова; А. С. Грачев. Теория «единого индустриального общества» — орудие фальсификации марксизма. — «Вопросы философии», 1965, № 5 и др.

³ М. Б. Митин, В. С. Семенов. Движение человечества к коммунизму и буржуазная концепция «единого индустриального общества». — «Вопросы философии», 1965, № 5, стр. 38.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 350.

мира и в то же время преодолевать трудности отражения этого мира в сознании.

Раздвоение познания, с которым В. И. Ленин связывает существование возможности идеализма, имеет бесчисленное множество форм, и каждую из их сторон идеализм может использовать на самые различные лады.

Но есть раздвоение, пронизывающее как познание в целом, так и любой его момент. Им является противоречие объективного и субъективного. Сущность человеческого познания, как и всякого явления вообще, составляет единство противоположных сторон, в данном случае — единство субъекта и объекта. Поэтому каждый момент познания оказывается воплощением их взаимодействия, в котором определяющую роль играет объективное.

Противоречие объективного и субъективного, будучи само формой диалектического раздвоения познания, существует не параллельно с остальными формами, а как то общее, внутренне присущее им, что определяет и пронизывает каждую из них, а в них — и каждую сторону. Оно составляет содержание всех форм раздвоения познания.

Из бесконечной цепи причин и следствий, например, мы можем лишь силой абстрагирования выделить и обособить для глубокого конкретного исследования отдельное ее звено, в котором причина и следствие выступают лишь как таковые. В действительности каждое из этих явлений находится в универсальной связи и выступает как противоречивое единство не только причины и следствия, но и других явлений. Изображение отдельного звена бесконечной цепи причинно-следственной связи уже само по себе возможно как результат субъективной деятельности. Содержанием возникшей формы раздвоения познания (объект — образ, материальное — идеальное) является единство объективного и субъективного.

Само диалектическое раздвоение причина — следствие, присущее образу этого звена всеобщей связи явлений, по своему содержанию также выступает противоречием объективного и субъективного. Естественно, стороны этого противоречия здесь не совпадают со сторонами раздвоения «причина — следствие». Раздвоение на объективное и субъективное присуще как определяющее внутреннее противоречие этой форме в целом и каждой ее стороне в отдельности.

Раздвоение познания на объективное и субъективное является общим не только потому, что субъект в специфических для него формах отражает объективное, но и потому, что в содержании любого уровня знаний наряду с объективным, абсолютно достоверным имеется и субъективное, как момент неадекватного, относительного, предположительного отражения.

Противоречие объективного и субъективного в познании является настолько общим, что пронизывает каждую сторону и своего собственного диалектического раздвоения. В процессе взаимодействия субъекта и объекта, чем является познание, нет ни одной стороны, части, грани только объективной или только субъективной.

Учет этого раздвоения познания имеет принципиальное значение для рассмотрения вопроса о гносеологических корнях идеализма. За абсолютизацией одной из сторон любой формы раздвоения познания всегда стоит отрицание диалектического единства объективного и субъективного, и именно это ведет к искажению отношения сознания и бытия. Поэтому за искажением всех форм раздвоения познания, стороны кото-

рых идеалисты используют в качестве оснований для своих выводов, необходимо видеть, как в каждом случае решается вопрос о соотношении объективного и субъективного.

Решение этого вопроса является тем определителем, который дает возможность правильно оценивать гносеологическое содержание как любой философской системы, так и любого отдельного вывода. Анализ соотношения объективного и субъективного, на наш взгляд, — одно из главных и необходимых условий, которое позволяет при критике идеализма не скользить по поверхности его положений, а полностью обнажать его корни. Это важно и для разоблачения конкретных идеалистических искажений познания, и для рассмотрения гносеологических корней идеализма в общетеоретическом аспекте.

Соотношение объективных и субъективных моментов при решении социологических проблем приобретает, в отличие от решения проблем в области естествознания, еще более сложный, значительно теснее переплетенный, можно сказать, удвоенный характер. Это определяется тем, что не только познание содержит в себе объективное и субъективное, но в данном случае и сам объект — жизнь общества — есть единство объективной обусловленности и субъективной, сознательной деятельности людей. Законы общественного развития действуют в результате практики людей, содержание которой также составляет единство объективного и субъективного.

Вот почему, вскрывая гносеологические корни антикоммунистических выводов, необходимо рассматривать основания, на которых они вырастают, до выяснения самого глубинного и существенного: как искажается соотношение объективного и субъективного и в гносеологической, и в онтологической области. Лишь в этом случае философский анализ несостоятельности антикоммунизма может быть полным и доказательным.

В. И. Ленин учил разоблачать идеализм, противопоставляя ему марксистскую философию по всей линии гносеологических вопросов. Это положение имеет методологическое значение и для борьбы против антикоммунизма. Решительное и всестороннее противопоставление марксизма измышлениям антикоммунизма делает критику философских основ его идеологии более аргументированной, последовательной и действенной. Разоблачение несостоятельности антикоммунизма путем такого противопоставления убедительно раскрывает субъективистскую тенденциозность его построений, способствует осознанию заблуждающимися истин научного коммунизма и высвобождению масс трудящихся из плена буржуазной идеологии.

**К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНЫХ УСЛОВИЯХ И СУБЪЕКТИВНЫХ
ФАКТОРАХ ГЕНЕЗИСА ТРУДА***И. Е. Смирнов*

Начальной стадией процесса антропогенеза и одновременно важнейшим этапом генезиса труда является стадия формировавшихся людей (архантропов и палеоантропов), которые в общей эволюции животного мира представляют собой промежуточное звено между приматами и готовыми людьми. В данной статье рассматриваются объективные условия и субъективные факторы развития труда на стадии формировавшихся людей, а также роль этих условий и факторов в генезисе труда.

Труд — деятельность, создавшая человека. Возникновению труда как социального фактора происхождения человека предшествовала материальная деятельность высших животных. Между материальной деятельностью высших животных и трудом человека есть определенная генетическая связь и преемственность: в обоих случаях мы наблюдаем процесс деятельности. Именно на это общее свойство всякой материальной деятельности, как процесса взаимодействия любого высшего животного (включая и человека) со средой, с природой, обратил внимание К. Маркс, определяя труд как «процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы...»¹.

Другой общей чертой человеческого труда и материальной деятельности животных является наличие в них элементов субъективного, т. е. отражения этих видов деятельности в психике животных и в сознании человека. Любая материальная деятельность, как человека, так и животных, имеет объективную и субъективную стороны: в человеческом труде субъективная сторона проявляется в форме активности и сознательности, а в материальной деятельности животных — преимущественно в форме активности; сама активность животных качественно отличается от активности человека: первая обусловлена досознательной психикой, а вторая контролируется сознанием.

Указанные общие черты материальной деятельности животных и человеческой трудовой деятельности не выясняют специфики труда человека. Хотя труд возник на основе материальной деятельности высших животных, он, как сугубо человеческая деятельность, имеет глубокие качественные отличия от материальной деятельности животных.

¹ К. Маркс. Капитал, т. 1, Госполитиздат, М., 1951, стр. 184.

Первое отличие орудийной деятельности высших антропоидов от человеческого труда заключается в том, что в этих двух видах деятельности имеется разная степень опосредствования связи высшего животного со средой. Это обусловлено тем, что в первом случае в качестве орудий употребляются естественные предметы, а во втором — орудия труда как таковые.

Поясним это положение: Естественные предметы, используемые высшими антропоидами в качестве орудий, выступали, конечно, в их орудийной деятельности в роли среднего звена между обезьяной и какими-либо предметами (например, при доставании банана с помощью палки), но удельный вес и значение орудийной деятельности в жизни обезьян было невелико, поэтому и уровень опосредствования связи высших антропоидов со средой был сравнительно невысок. Это доказано исследованиями характера орудийной и интеллектуальной деятельности современных человекообразных и низших обезьян, проведенными Н. Ю. Войтонисом, Н. Н. Ладыгиной-Котс, Э. Г. Вацуро, Н. А. Тих и другими советскими и зарубежными исследователями. Например, Н. Н. Ладыгина-Котс на основе глубокого анализа орудийной деятельности высших обезьян (шимпанзе) пришла к заключению, «что в основных своих чертах, т. е. по условиям возникновения, по направленности, по главным приемам ее осуществления, по характеру конечного продукта она (предметная, или орудийная деятельность.— И. С.) имеет черты *видового стереотипа* поведения и является главным образом инстинктивной, т. е. сложнейшей, безусловно-рефлекторной деятельностью, обладающей... высокой степенью *пластичности*»¹. Н. Н. Ладыгина-Котс отметила и ту важнейшую закономерность, что у шимпанзе орудие никогда не приобретает «постоянного назначения»², после каждого употребления какого-либо предмета в качестве орудия шимпанзе бросал этот предмет и больше не возвращался к нему.

В естественных условиях жизни обезьяны не нуждаются в употреблении и изготовлении орудий. Используя иногда естественные предметы в качестве орудий, они специально не сохраняют их; жизнедеятельность обезьян основывается на их биологическом приспособлении к среде.

Принципиальное отличие трудовой деятельности формировавшихся людей от орудийной деятельности обезьян состоит прежде всего в том, что в трудовой деятельности специально производятся орудия труда, без применения которых невозможно само существование людей. Именно в трудовой деятельности посредством орудий труда осуществляется воздействие человека на природу, происходит преобразование ее. Вместе с тем орудия труда опосредствуют и отношение человека к другим людям, ибо трудовая деятельность формировалась именно как общественная деятельность. Орудия труда в процессе их накопления составили часть очеловеченной действительности, стали социальной силой, хранилищем человеческого опыта. Именно поэтому нельзя не присоединиться к мнению А. Н. Леонтьева, рассматривающего орудие прежде всего как «общественный предмет, т. е. предмет, имеющий определенный способ употребления, который общественно выработан в процессе коллективного труда и который закреплен за ним». Например, топор есть не просто «физическое тело», но и «тот общественно выработанный способ

¹ Н. Н. Ладыгина-Котс. Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян. Изд-во АН СССР, М., 1959, стр. 160.

² Там же, стр. 163.

действия, те трудовые операции, которые материально оформлены, как бы кристаллизованы в нем. Поэтому-то владеть орудием — значит не просто обладать им, но это значит владеть тем способом действия, материальным средством осуществления которого оно является»¹.

Итак, субъективное в трудовой деятельности людей опосредствовано не только орудиями труда как таковыми, но и возникшими в процессе их изготовления, накопления и эксплуатации общественными отношениями. Опосредствование субъективного общественными отношениями сложилось полностью лишь на стадии современных людей, когда сформировались сами общественные отношения. Раскрывая изначально общественную природу трудовой деятельности человека, К. Маркс писал: «В производстве люди воздействуют не только на природу, но и друг на друга. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только через посредство этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство»².

Второе отличие орудийной деятельности высших антропоидов от человеческого труда заключается в различной степени проявления субъективного в этих двух видах деятельности, что наглядно выступает при их сравнении.

Изучение образа жизни современных человекообразных обезьян показывает, что в их орудийной деятельности имеются определенные элементы субъективного, проявляющиеся прежде всего в их психической деятельности довольно высокого уровня. В орудийной деятельности человекообразных обезьян важную роль играют ощущения, восприятия и отчасти представления, как субъективные образы объективного мира, а также элементарное, или конкретное мышление, предполагающее элементарный анализ и синтез, элементарную абстракцию и обобщение. К проявлению субъективного у высших обезьян следует отнести и такую важнейшую предпосылку их орудийной деятельности, как ориентировочно-исследовательская деятельность, выражающаяся в разнообразных формах деятельности: активном прислушивании к звукам, разглядывании предметов, манипулировании с ними, обнюхивании и опробовании предметов на вкус.

Психическая, ориентировочно-исследовательская, орудийная и другие формы деятельности современных высших антропоидов дают приблизительное представление о тех необходимых предпосылках трудовой и познавательной деятельности, которые имелись у прегоминид и трансформировались затем в труд и сознание формировавшихся людей. У современных высших антропоидов и прегоминид субъективная сторона их орудийной деятельности представляла собой в основном досознательную психику, обусловленную первой сигнальной системой.

Субъективная же сторона трудовой деятельности человека современного физического типа главной и определяющей своей частью имеет сознательное, а вся сфера бессознательного (инстинкты, безусловные рефлексы), унаследованная человеком от животного мира, играет подчиненную роль и в целом контролируется сознанием.

¹ А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики. Изд-во «Мысль», М., 1965, стр. 275—276.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв. в двух томах, т. 1, М., 1952, стр. 63.

Сознательность, целенаправленность как главнейшую специфическую черту человеческого труда отметил К. Маркс в своем определении процесса труда: «Процесс труда... есть целесообразная (разрядка наша.— И. С.) деятельность для созидания потребительских стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни...»¹. Наиболее ярко эту специфическую черту труда К. Маркс проиллюстрировал известным сравнением деятельности пчелы и человека: «...Самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде, чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении работника, т. е. идеально. Работник отличается от пчелы не только тем, что изменяет форму того, что дано природой, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель... Кроме напряжения тех органов, которыми выполняется труд, во все время труда необходима целесообразная воля, выражающаяся во внимании...» (Разрядка наша.— И. С.)². Таким образом, целенаправленный характер человеческого труда заключается в мысленном представлении результата труда еще до начала или в самом начале труда. Целенаправленность, обеспечивая сознательное преобразование человеком окружающей его среды, составляет главное отличие проявления субъективного в орудийной деятельности высших антропоидов и прегоминид.

Итак, данные Марксом определения труда как «процесса, совершающегося между человеком и природой» и как «целесообразной деятельности» отражают две различные стороны труда: в первом определении подчеркивается общее между материальной деятельностью животных и трудовой деятельностью людей, а во втором — указывается качественное различие между ними, выражающееся в том, что в человеческом труде есть элементы идеального, сознательной цели, целесообразной воли. Суммируя все сказанное об отличиях трудовой деятельности человека от орудийной деятельности животных, можно сделать такой вывод: эти отличия настолько существенны, что они не идут ни в какое сравнение с тем общим, что имеется между данными двумя видами материальной деятельности; субъективное в трудовой деятельности человека, так же как и орудия труда, имеет социальную природу, является результатом общественной деятельности.

Данные палеоантропологии, археологии, приматологии и других наук позволяют представить в общих чертах генезис орудий труда и самого процесса труда, возникшего на основе орудийной деятельности высших антропоидов. Изучение морфологического строения и образа жизни современных высших антропоидов и сравнение их с морфологическим строением и образом жизни ископаемых высших антропоидов дают основание при воссоздании образа жизни последних применить метод аналогии: вероятно, образ жизни ископаемых высших антропоидов был близок к образу жизни современных человекообразных обезьян, а орудийная деятельность этих далеких предков людей по своему характеру была близкой к орудийной деятельности современных антропоидов.

Высшим этапом развития орудийной деятельности является орудийная деятельность австралопитеков — наиболее исследованной в на-

¹ К. Маркс. Капитал т. 1, стр. 191.

² Там же, стр. 185.

стоящее время формы прегоминид, очень близкой к непосредственно промежуточному звену между обезьяной и человеком. Данные палеоантропологии вещественно подтверждают, что орудийная деятельность австралопитеков занимает особое место среди орудийной деятельности высших животных: в орудийной деятельности австралопитеков за естественными предметами уже было закреплено значение орудий, поскольку австралопитеки хранили и подправляли естественные предметы. Поэтому орудийную деятельность австралопитеков можно определить как разновидность «первых животнобразных инстинктивных форм труда»¹, генетически предшествующих человеческому труду, предполагающему высокоразвитое сознание и высокоразвитый материальный субстрат сознания — головной мозг. Остатки черепов австралопитеков свидетельствуют о том, что средний объем их головного мозга не превышал 600 см³, в то время как средние объемы мозга у ранних архантропов и современных людей составляют соответственно 900 и 1400 см³, причем за различиями общего объема мозга здесь скрываются значительные различия в размерах лобных долей, которые достигают наибольшего развития у современных людей. Другим доказательством несовершенства мышления австралопитеков может служить отсутствие устойчивых форм орудий, составляющих их «остеодонтокератическую культуру»². Коллекции орудий австралопитеков, составленные Р. Дартом, не содержат ни одного вполне оформленного, унифицированного орудия. Поэтому советские ученые не разделяют оценки австралопитеков буржуазными учеными (R. A. Dart, R. Broom, G. W. H. Shepers, J. T. Robinson, C. K. Brain, L. S. B. Leakey и др.), называющими австралопитеков обезьянолюдьми (ape-men), и определяют австралопитеков как высокоорганизованных обезьян, на основе орудийной деятельности которых возник труд формирующихся людей. Процесс становления целенаправленной сознательной трудовой деятельности формирующихся людей осуществлялся под влиянием целого комплекса объективных условий и ряда субъективных факторов, получивших на стадии формирующихся людей достаточное развитие.

Объективными условиями и предпосылками трудовой деятельности, как и всего диалектического по своему характеру и сущности процесса превращения прегоминид в формирующихся людей, являются такие условия и предпосылки, которые не зависят от самих формирующихся людей и которые в основном можно разделить на три группы. «Первым объективным условием» трудовой деятельности «трудящегося субъекта — естественного индивида» К. Маркс назвал природу, землю, как «неорганическое тело» этого «естественного индивида». В другом месте он назвал объективными условиями труда «землю, сырье, средства к жизни, орудия труда, деньги или все это вместе»³. Учитывая эти положения К. Маркса, к первой группе объективных условий труда формирующихся людей следует отнести природные условия, окружающие

¹ Положение о существовании «первых животнобразных инстинктивных форм труда», генетически предшествующих труду как исключительно достоянию человека, впервые выдвинуто К. Марксом (К. Маркс. Капитал, т. 1, стр. 185).

² Культура кости, зуба, рога. Это название дано Р. А. Дартом, одним из крупнейших исследователей останков австралопитеков. См. R. A. Dart. The osteodontokeratic culture of australopithecus prometheus. Transvaal Museum, Memoir № 10, 1957, Pretoria.

³ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Госполитиздат, М., 1940, стр. 21, 39.

их: климат, фауну, флору, петрографический состав горных пород, встречающихся в областях их обитания, и все остальные условия их внешней среды.

К первой группе объективных условий процесса становления труда нужно отнести также материалы, из которых архантропы и палеоантропы изготовляли свои орудия. Это — дерево, кость, рог и каменные породы различной структуры и твердости.

Для характеристики образа жизни и объективных условий генезиса труда формировавшихся людей огромное значение имеет и тот факт, что они овладели одной из самых мощных сил природы — огнем, который служил им источником тепла в холодных и сырых пещерах, средством защиты от хищных зверей, а также использовался для приготовления пищи.

Пища явилась также важнейшей объективной предпосылкой возникновения и развития труда формировавшихся людей. Особенно важную роль сыграла здесь мясная пища, включение которой в пищевой рацион произошло очень давно, задолго до возникновения формировавшихся людей. Превращение формировавшихся людей во всеядных животных сопровождалось сменой биохимизма крови и прогрессивным развитием головного мозга. Но роль пищи в процессе антропогенеза этим не ограничивалась; огромное значение имели также обстоятельства, связанные с эксплуатацией пищевых ресурсов: например, собирательство и охота на различных животных со временем определились в виды самостоятельной деятельности, оказавшие большое влияние на развитие труда и на процесс формирования людей.

Ко второй группе объективных условий и предпосылок генезиса труда формировавшихся людей следует отнести те предпосылки, которые составляли морфофизиологические данные прегоминид, непосредственно превращающихся в процессе становления в архантропов, а затем и в палеоантропов. Это ряд свойств или естественных сил прегоминид, связанных с прямохождением и свободной рукой. Надо отметить, что эти объективные условия генезиса труда связаны с прегоминидами, хотя нельзя утверждать, что они зависят от прегоминид.

Наконец, третью группу объективных предпосылок возникновения и развития труда формировавшихся людей представляет целый ряд видов дотрудовой деятельности, свойственной предкам формировавшихся людей, точнее, объективная сторона дотрудовой деятельности прегоминид. Сюда относятся такие виды деятельности, как собирательство, охота, оборона и игровая деятельность прегоминид. Главнейшей же объективной предпосылкой труда в этой группе является предчеловеческий труд прегоминид, в котором, как уже упоминалось, естественные предметы употреблялись в качестве орудий. Со времени зарождения систематического производства искусственных орудий все виды дотрудовой деятельности трансформировались в отдельные виды работ, составили отдельные отрасли производства.

Кроме объективных условий и предпосылок, на генезис труда формировавшихся людей активно воздействовал и ряд субъективных факторов, прежде всего мышление и речь, которые, возникнув в процессе становления человека и общества, через материальную трудовую деятельность стали оказывать обратное влияние на самих формировавшихся людей, а через них — и на окружающую среду. Процесс формирования субъективных факторов и особенно значение субъективных факторов в

генезисе труда представляют область, чрезвычайно мало исследованную исторической и философской науками.

На основе сравнения эндокранов архантропов с эндокранами современных людей и анализа примитивных шелльских каменных орудий можно предположить, что мысль самых ранних архантропов, как и предшествующих им прегоминид, непосредственно влеталась в их материальную деятельность. Предметы и явления природы осознавались архантропами лишь по мере того, как они становились объектом их трудовой деятельности, а следовательно, и объектом познания. Познание архантропами предметов и явлений внешнего мира началось прежде всего с тех предметов и явлений, которые были непосредственно связаны с их практической жизнью и в первую очередь с производством средств существования и орудий труда. В процессе развития производства мышление формировавшихся людей постепенно освобождалось от непосредственной связи с материальной деятельностью.

Таким образом, если на дочеловеческой стадии мышление развивалось главным образом на основе орудийной, ориентировочно-исследовательской и других видов дотрудовой деятельности, то на стадии формировавшихся людей оно стало развиваться на базе трудовой деятельности, приобретающей с течением времени все более целенаправленный, сознательный характер. Если на дочеловеческой стадии предмет деятельности всегда был слит и совпадал с ее биологическим мотивом, то в условиях совместного, коллективного воздействия людей на природу стало возможным разделение предмета деятельности и ее мотива.

Разделение предмета деятельности и ее мотива, или рождение цели, проиллюстрировано А. Н. Леонтьевым на примере действий загонщика — участника первобытной коллективной охоты. Действия отдельного загонщика, пугающего дичь, не совпадают с тем, что побуждает его к действию, с мотивом деятельности. Конечная цель действия загонщика — потребность в пище или в одежде. На достижение этой цели направлены усилия всех загонщиков, как и других охотников, сидящих в засаде и поджидающих зверя. Конечная цель всех согласованных действий участников коллективной охоты — овладение животными, на которых организована охота. «Очевидно, — пишет А. Н. Леонтьев, — что действие загонщика возможно только при условии отражения им связи между ожидаемым результатом лично им совершаемого действия и конечным результатом всего процесса охоты в целом — нападением из-за засады на убегающее животное, умерщвлением его и, наконец, его потреблением. Первоначально эта связь выступает перед человеком в своей еще чувственно воспринимаемой форме — в форме реальных действий других участников труда. Их действия и сообщают предмету действия загонщика. Равным образом и наоборот, только действия загонщика оправдывают, сообщают смысл действиям людей, поджидающих дичь в засаде; если бы не действия загонщиков, то и устройство засады было бы бессмысленным, неоправданным»¹.

Этот пример является плодотворной попыткой создать практическую иллюстрацию акта рождения цели в коллективной деятельности — первобытной охоте. Бесспорно, что действия загонщика в данном случае продиктованы не естественными, а общественными отношениями, трудовой связью загонщика с другими участниками коллективной охоты.

¹ А. Н. Леонтьев. Указ. соч., стр. 272.

А. Н. Леонтьев выводит цель и разделение предмета деятельности и ее мотива главным образом из коллективной деятельности. Но здесь следует особо подчеркнуть и важнейшую роль орудий труда в формировании целенаправленной деятельности. Целенаправленность возникла и развивалась прежде всего в процессе изготовления орудий труда. Рождение цели — длительный процесс: осознание и преднамеренная постановка ее возникали из миллиардных повторений бессознательных, бесцельных операций или манипуляций прегоминид и ранних гоминид с камнями и другими предметами. Шелльское ручное рубило, знаменуя собой появление первой устойчивой формы орудия, является и первым вещественным доказательством существования целенаправленной деятельности. В следующие эпохи — ашель и мустье — появляется уже несколько различных форм рубил и множество других орудий из камня, еще более убедительно иллюстрирующих целенаправленную деятельность. О наличии идеальных, заранее поставленных целей в трудовой деятельности палеоантропов неопровержимо свидетельствуют также найденные археологами неиспользованные заготовки для каменных орудий — нуклеусы, на которых сохранились четко намеченные очертания будущих отщепов. «Я не могу себе представить, — писал В. Г. Чайлд о таких размеченных нуклеусах, — чтобы это делалось без наличия абстрактной идеи у мастера о том, что он желает получить. . .»¹.

В процессе изготовления и использования искусственных орудий конкретное мышление, или предметное отражение, столь характерное для высших антропоидов и прегоминид, трансформировалось в абстрактное мышление, в мышление понятиями. Отражение, несущее только биологический смысл, превратилось в отражение связей данного предмета с другими предметами и явлениями, в отражение сущности предмета, независимой от биологического значения его для формировавшихся людей. Иначе говоря, на основе трудовой деятельности на стадии формировавшихся людей качественно изменились характер, содержание и форма психического отражения. Качественно новый характер отражения состоял в том, что оно стало опосредствоваться орудиями труда, трудовой деятельностью. В процессе трудовой деятельности опосредствованное орудиями отношение формировавшихся людей к природе обусловило и опосредствованный характер познания: предметы и явления природы формировавшиеся люди все в большей и большей степени стали познавать не в процессе непосредственного взаимодействия с ними, а в процессе взаимодействия через посредство орудий труда. На основе трудовой деятельности отражение объективного мира формировавшихся людьми приобрело абстрактную, понятийную форму и такое содержание, в котором познавательный образ выступал уже не в качестве биологического сигнала, но заключал в себе социальный смысл. Все эти изменения характера, формы и содержания психического отражения формировавшимися людьми объективного мира обусловили познание ими многообразных предметов и явлений природы в их объективных, устойчивых, существенных взаимосвязях и взаимоотношениях.

В связи с этим большую роль в жизни формировавшихся людей стали играть не непосредственные биологические потребности, а потребности, связанные с систематическим производством и употреблением орудий. Например, в процессе производства орудий материалы, идущие

¹ В. Г. Чайлд. Археологические документы по предыстории науки. «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 1, стр. 32.

на их изготовление, стали восприниматься формировавшимися людьми не как простые биологические раздражители или обычные элементы окружающей их среды, а как предметы, связанные с их трудовыми потребностями, именно как материалы, пригодные по своим свойствам для изготовления орудий. В выборе кусков камня определенной формы и породы, в процессе изготовления, использования, а также хранения формировавшимися людьми каменных орудий складывалось практическое, опосредствованное орудиями познание явлений природы, не связанное с биологическими потребностями человека.

Если биологические потребности животных определялись их приспособлением к природе, а изменения этих потребностей были связаны в основном с изменениями морфологической организации отдельных особей в процессе естественного отбора, то потребности формировавшихся людей стали определяться непосредственно или в конечном счете трудовой деятельностью и поэтому приобрели общественный характер. Изменение потребностей формировавшихся людей стало происходить на основе развития общественного труда.

Воссоздавая характер мышления формировавшихся людей, следует далее отметить, что функцией мышления с начала его возникновения было обеспечение реальной, а не мистической связи первобытного человека с окружающим миром. Только реальные, логические связи получали материальное подкрепление, играющее прогрессивную роль в развитии как отдельного индивида, так и всего первобытного общества. Если, например, архантроп неожиданно оказывался лицом к лицу с махайродом, то он поступал всегда логично: прятался или готовился к бою. В данной ситуации всякий иной нелогичный поступок архантропа закончился бы для него страшной смертью: он был бы растерзан махайродом. Если же происходила неожиданная встреча архантропа с отбившимся от стада павианом, то архантроп без промедления нападал на него, т. е. опять-таки поступал вполне логично. Все логичные действия архантропа, как правило, сопровождались материальным подкреплением: если в первом случае в качестве материального подкрепления логичного действия архантроп сохранял жизнь, то во втором таким подкреплением служило мясо павиана. Если бы архантроп мыслил и поступал вопреки логике, то его действия никогда не получили бы никакого материального подкрепления.

Примитивное, смутное, но с самого начала не лишенное элементов логики, мышление явилось основой поведения формировавшихся людей, отличающегося от поведения животных специфичностью и определенной сложностью. В отличие от животного мира, где приспособление к природе осуществлялось только путем изменения органов тела, и от общества современных людей, где покорение природы происходит путем совершенствования орудий и средств труда, у формировавшихся людей действовали оба эти фактора, причем социальный фактор стал заметно преобладать над биологическим: об этом свидетельствует, например, тот факт, что первобытное стадо формировавшихся людей в основном обуздано зоологический индивидуализм, а это означало постепенное осознание формировавшимися людьми их жизнедеятельности. Познание самого себя человеком в процессе производства и на его основе началось с развития мышления и языка, которое в свою очередь было обусловлено развитием морфологических и физиологических особенностей и свойств человека: прямохождения, руки, головного мозга. Осознание человеком самого себя, начавшись на стадии формировавшихся людей,

более или менее определилось лишь на стадии человека современного физического типа и продолжается в настоящее время, став самосознанием — высшей формой проявления субъективного. Процесс выделения человеком самого себя из окружающей природы происходил одновременно с развитием общения людей друг с другом, с развитием их трудовой деятельности. Как подчеркнул П. Ф. Протасеня, выделение человеком самого себя из окружающей природы возможно было лишь «при серьезном развитии языка слов с оформленными личными местоимениями (я, ты, он, мы)»¹.

Речь явилась одной из тех сил, которые помогли формировавшимся людям окончательно отделиться от животного мира, объединиться в человеческое общество, развить дальше свое мышление, организовать общественное производство, более успешно вести борьбу с враждебными силами природы. Мысль и речь, имея основой своего возникновения трудовую деятельность, с первых шагов своего развития вплетались в процесс всестороннего формирования людей. Под влиянием изменений характера труда и речи изменялся и характер мышления.

Сравнительно-анатомические исследования гортани и речевых центров в мозгу у современных антропоидов и человека позволяют сделать вывод, что звуковая речь своими корнями уходит в глубокую древность. Стадия формировавшихся людей представляет собой начальную стадию в развитии речи и мышления. По данным палеоантропологии, у всех видов питекантропов одновременно с выпрямлением тела и вследствие этого — увеличением изгиба основания черепа, уменьшением массивности челюстей — происходило опускание гортани, увеличивалась роль ротового дыхания, редуцировались внегортанные мешки, перемещался щито-черпаловидный мускул и происходили другие изменения периферических звуковых органов². Кроме того, у питекантропа была сильнее, чем у обезьян, развита нижняя лобная извилина мозга, где помещался двигательный центр речи³. Вероятно, речь зародилась (это положение не является общепризнанным) еще у таких ранних архантропов, как яванские питекантропы, и зародилась как примитивная односложная, но членораздельная речь. Нечленораздельные же звуки, предшествующие членораздельным и служившие высшим ископаемым антропоидам средствами сигнализации, не были еще речью, поскольку они не обладали общим понятийным содержанием.

Еще больше оснований предполагать зачатки речевой функции у синантропов: об этом говорит как увеличение у них массы мозга по сравнению с другими видами питекантропов, так и заметное развитие задней височной области, соответствующей 37-му цитоархитектоническому полю (по Бродману), которое у современного человека строго дифференцировано и занимает большую поверхность (в процентах к площади всей височной доли)⁴. Поэтому есть все основания считать, что у синантропов имелись зачатки членораздельной речи, второй сигнальной системы, человеческого сознания. Сознание и речь, в основе возникновения которых лежит животнобразный труд прегоминид, эволюцио-

¹ П. Ф. Протасеня. Происхождение сознания. Минск, 1959, стр. 290.

² В. В. Бунак. Начальные этапы развития мышления и речи по данным антропологии. «Советская этнография», 1951, № 3, стр. 43—44.

³ А. П. Окладников. Становление человека и общества. В сб. «Проблемы развития природы и общества», Изд-во АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 141.

⁴ Я. Я. Рогинский. О некоторых общих вопросах теории антропогенеза. «Вопросы философии», 1957, № 2, стр. 115.

нировали дальше в процессе развития трудовой деятельности формировавшихся людей.

Фонетические возможности неандертальцев превышали таковые у архантропов, так как у первых увеличались общие размеры головного мозга, особенно нижней и средней лобных извилин. Многие исследователи предполагают у неандертальцев довольно развитую членораздельную речь и достаточно высокий уровень сознания¹. Окончательное же становление членораздельной речи произошло в позднем палеолите, на стадии людей современного физического типа.

Таким образом, одновременно с физическим развитием архантропов и палеоантропов, с развитием их трудовой деятельности, происходило совершенствование их способности к абстракции, к созданию общих понятий, которые выражали наиболее существенные потребности первобытного коллектива и фиксировались прежде всего как средство общения людей, не стеснявшее их деятельности. Речь есть «тот посредник, с помощью которого осуществляется человеческое сотрудничество; посредством речи разнообразные виды деятельности людей координируются и соотносятся между собою для достижения общих целей. Если бы не существовало общности людей, речь никогда бы не смогла возникнуть»². Будучи средством общения и коммуникации, речь служила и средством закрепления и передачи достижений человеческого мышления, знания и особенно трудовых достижений, приемов и навыков. С момента своего возникновения речь, как и мышление, активно влияла на развитие труда — деятельности по изготовлению вещей для удовлетворения человеческих потребностей.

При наличии и под воздействием рассмотренного комплекса объективных условий и ряда довольно высокоразвитых субъективных факторов у формировавшихся людей развивалось производство как общественный процесс создания материальных ценностей при помощи труда. Определяющую роль в акте возникновения производства играли объективные условия и предпосылки, но на стадии формировавшихся людей все большее и большее воздействие на генезис труда стали оказывать субъективные факторы, ускорившие темпы развития производства.

В процессе становления труда и человека биологические потребности прегоминид сначала дополнились, а затем сменились (на стадии формировавшихся людей) все более осознаваемыми человеческими потребностями, явившимися мощным стимулом развития производства. Производство, развиваясь и совершенствуясь, порождало у формировавшихся людей все новые и новые потребности, а последние в свою очередь стимулировали и ускоряли развитие производства. Таким образом, на основе анализа сохранившихся в земле вещественных остатков производственной деятельности формировавшихся людей (в виде многочисленных и разнообразных орудий труда) и воссоздания их субъективного мира можно сделать вывод, что в рассматриваемую эпоху существовало лишь формировавшееся производство, характеризующее примитивной каменной «индустрией», создание которой происходило на базе примитивного первобытного мышления и далекой от совершенства членораздельной речи.

¹ Г. А. Шмидт. Роль труда в становлении человека. Молотов, 1950, стр. 51—52; В. В. Бунак. Указ. соч., стр. 48; М. Ф. Нестурх. Происхождение человека, М., 1958, стр. 306; П. Ф. Протасеня. Указ. соч., стр. 92 и другие авторы.

² Дж. Льюис. Человек и эволюция. Перевод с англ., Изд-во «Прогресс», М., 1964, стр. 52.

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

А. Д. Гойко

Формирование и развитие личности при социализме определяется теми же закономерностями, что и развитие общества. Вместе с тем можно выделить ряд специфических закономерностей, которые непосредственно воздействуют на развитие личности. Эти закономерности тесно взаимодействуют с первыми, как главными и определяющими, но в отличие от них проявляются в деятельности личности.

Не претендуя на раскрытие всех закономерностей, мы рассмотрим лишь немногие из тех, воздействие которых на нравственное развитие личности наиболее существенно. Речь идет о закономерностях, выражающих а) взаимосвязь внешних воздействий и внутреннего мира человека; б) соответствие личных потребностей общественным требованиям, принципам и нормам нравственности; в) закрепление нравственных требований общества в соответствующей им практике поведения личности.

Следует также иметь в виду, что рассматриваемые закономерности, во-первых, получили наиболее широкую и неограниченную сферу деятельности лишь в социалистическом обществе, утверждающем единство личного и общественного на базе общественных интересов, создающем гармонию личности и общества, во-вторых, они обуславливают не только нравственное развитие, но и развитие всех других сторон личности, однако в сфере нравственного развития их действие наиболее ярко и существенно.

Значение этих закономерностей позволяет выяснить особенности нравственного развития личности не только в общем историческом процессе, но главным образом в условиях утверждения и развития нравственности в процессе перехода к коммунизму.

Как известно, вне общества личность не может ни существовать, ни развиваться. Все, что ей присуще, детерминировано общественными условиями ее жизни, производственными отношениями, характером воздействия ближайшего окружения, а также характером деятельности данной личности. Из всей совокупности внешних влияний и воздействий ведущая роль в нравственном развитии личности принадлежит общественным требованиям, которые выступают как вполне определенные конкретные обязанности, возложенные обществом или определенным классом на человека. Эти требования, выражающие объективную необходимость общественного развития, сами находятся всегда в процессе изменения и развития. До личности они доводятся различными путями,

в том числе путем идеологического воздействия и непосредственного общения с другими людьми.

Общественные требования — важнейшее средство привлечения личности к активной общественно полезной деятельности. Особенно возрастает роль нравственных требований в нашем обществе по мере его продвижения к коммунизму, что является, бесспорно, залогом дальнейшего и всевозрастающего нравственного развития личности. Предоставляя каждому члену общества широкие и гарантируемые права и возможности для его творческой активности, наше общество в то же время требует от человека исполнения определенных обязанностей, увеличения роли и ответственности каждого как за свои собственные поступки, так и за поступки других, за те или иные общественные события.

Однако из сказанного выше о детерминированности нравственного развития личности общественными условиями и воздействиями отнюдь не следует, что поведение личности прямо, автоматически определяется этими воздействиями. Процесс детерминации — весьма сложен и динамичен. Сущность его состоит в том, что каждое внешнее воздействие определяет то или иное духовное изменение лишь опосредствованно, через сформированный внутренний мир человека, преломляясь, как сквозь призму, через его сознание, через все особенности психического склада и накопленный личный опыт человека.

Внутренним миром человека, его психическим складом определяются также степень и объем возможных воздействий со стороны внешнего мира, хотя внутренний мир, психический склад человека внешне обусловлены и развиваются под воздействием внешних условий. Эта взаимосвязь внешнего и внутреннего мира человека происходит в деятельном взаимодействии человека с объективной действительностью, в процессе которого человек изменяет внешний мир в соответствии с тем, как он его отражает в своем сознании.

Это одна из основных закономерностей нравственного развития личности, и ее действие следует постоянно учитывать в процессе воспитания. К сожалению, в нашей литературе по этике и педагогике (реже по психологии) развитие личности нередко рассматривается как простое следствие воспитательных воздействий. Рассматривая человека только как объект воспитания и игнорируя его самостоятельность, его внутренние свойства и возможности, воспитатель вряд ли достигнет желаемых результатов.

Исходя из этой закономерности, в процессе воспитания следует учитывать по меньшей мере два решающих и взаимосвязанных момента:

1. Характер воздействия общественных требований; эти требования должны быть одновременно и выше обычного уровня человеческого поступка (с тем чтобы ориентировать человека на поведение самое совершенное) и вместе с тем отвечать лучшим запросам и целям человека, его разумным потребностям и интересам, его нравственным чертам характера, стереотипам мышления и поведения, его субъективным возможностям и объективному отношению к окружающему миру. Речь идет о том, чтобы, не ослабляя повелительной силы общественных требований, и дальше совершенствовать как сами эти требования, так и индивидуальные приемы и средства воспитательной работы, достигая при этом все большего единства коммунистических идей и поступков, нравственного сознания и поведения.

2. Активность личности, степень ее воздействия на окружающую действительность, уровень ее культуры и духовного развития, иными

словами, насколько она сама, со своей стороны, стремится к принятию общественных требований, к исполнению общественных обязанностей, насколько эти стремления приобрели форму нравственного долга и направляют ее действия, какова степень ответственности человека перед обществом (коллективом) за свое поведение. Подобно тому как общественные идеи овладевают массами тогда, когда сами массы стремятся к этим идеям, так и общественные требования принимаются личностью главным образом тогда, когда личность стремится к ним.

Если общественные требования принимаются человеком, то, естественно, происходит внутренняя переработка, преобразование их, в результате чего они из внешне повелительных сил становятся внутренне побудительными силами. Если же они не соответствуют внутреннему миру человека, его уже сложившимся, устойчивым отношениям к миру, противоречат им, вступают с ним в конфликт, то они или вовсе не принимаются, оставаясь нейтральными по отношению к человеку, или вызывают явное или скрытое сопротивление им, или же принимаются чисто внешне, формально, не затрагивая глубоко ни чувств, ни мыслей человека.

Коммунистическое воспитание, построенное с учетом рассматриваемой закономерности, должно быть настолько индивидуальным, гибким и действенным, чтобы оно могло вызвать внутреннюю потребность к совершенствованию. Нравственное развитие личности должно происходить как единый взаимосвязанный процесс общественного воспитания и самовоспитания личности.

Нравственное развитие личности определяется прежде всего природой образовавшихся и постоянно растущих в ней потребностей, потребностей в том, от чего зависит ее существование и развитие как природного существа и члена общества. Потребности, будучи движущей силой в формировании чувств, желаний, стремлений, вкусов, интересов, идеалов, убеждений и других непосредственных мотивов поведения, характеризуют духовное развитие личности, ее нравственный рост.

Будучи основным средством регулирования человеческой жизнедеятельности, потребности являются в то же время основным двигателем нравственного поведения и развития личности. От потребностей, как от пульта управления, идут тысячи нитей, связывающие побуждение к той или иной деятельности с самой деятельностью, мотив поведения — с самим поведением. Даже те мотивы поведения, которые возникают без всякой связи с потребностями человека, или даже противоречат одной из них, в последующем непременно вступают в прямое или косвенное взаимодействие с одной или несколькими потребностями.

Поэтому воспитание человека, формирование его характера органически связано с воспитанием его потребностей. Эта идея впервые была поставлена и обоснована А. С. Макаренко. Она занимала значительное место в его педагогической системе. «Глубочайший смысл воспитательной работы... — писал он, — заключается в отборе и воспитании человеческих потребностей, в приведении их к той нравственной высоте, которая возможна только в бесклассовом обществе и которая только и может побуждать человека к борьбе за дальнейшее совершенствование»¹.

Смысл воспитательной работы А. С. Макаренко справедливо видел в том, чтобы привести человеческие потребности в соответствие с принципами и нормами коммунистической нравственности. «Нравственно оп-

¹ А. С. Макаренко. Соч., т. IV. Изд-во АПН, М., 1960, стр. 39.

равданная потребность — это есть потребность коллективиста»¹ — подчеркивал он. Разумеется, это возможно лишь в условиях коммунистической общественной формации, где человек обладает научным мировоззрением, связан с обществом единой целью борьбы, живым ощущением своего долга перед обществом. К большому сожалению, проблема воспитания нравственно оправданных потребностей до сих пор остается неисследованной ни в социологии, ни в психологии личности.

Итак, внутренней основой нравственного развития личности является рост ее потребностей (и связанных с ними осознания, переживания их) соответственно общественным требованиям, принципам и нормам нравственности, в нашем обществе — принципам и нормам коммунистической нравственности, моральному кодексу строителя коммунизма.

Характер этой закономерности сводится к следующему:

1. В социалистическом обществе нравственное развитие личности совершается на основе социально-экономических преобразований и реального улучшения жизни людей, роста их материальных и духовных потребностей. При этом в росте потребностей и удовлетворении их, как и в развитии других явлений общественной жизни при социализме, недопустим самотек, т. е. развитие потребностей самих по себе, без учета задач и требований общественного развития. Марксизму-ленинизму равно враждебны как ревизионистские (реформистские) попытки рассматривать развитие потребностей в отрыве от борьбы за коммунизм, так и левооппортунистический мелкобуржуазный подход к ним с позиций уравниловки, аскетизма, подавления личности и всего личного.

2. В социалистическом обществе неперенным внутренним условием нравственного развития личности является приведение ее материальных и духовных потребностей в соответствие с общественными требованиями, с принципами и нормами коммунистической нравственности. Этим соответствием определяется нравственный облик личности социалистического общества.

Известно, что одной из коренных проблем коммунистического воспитания является проблема единства нравственного сознания и поведения, иными словами, достижение такого уровня нравственного прогресса, когда в поведении каждого человека, в деятельности каждого коллектива и каждой организации коммунистические идеи будут, как определено в Программе КПСС, органически сочетаться с коммунистическими делами. Само собой разумеется, что на решение этой важнейшей задачи должны быть направлены все мероприятия по коммунистическому воспитанию, вся организация производственной и общественной жизни.

Несомненно, что решение этой задачи — дело весьма важное и сложное, требующее серьезных усилий и поисков. На наш взгляд, для успешного решения ее необходимо прежде всего найти главное звено в системе воспитательных воздействий, в соответствии с которым определить затем наиболее эффективные пути и средства воспитания. Такое звено следует искать в самой организации общественного труда и прежде всего в более совершенном и последовательном сочетании социалистического принципа материальной заинтересованности с моральными стимулами к труду.

3. Приведение материальных и духовных потребностей в соответствие с общественными потребностями и интересами, с принципами

¹ А. С. Макаренко. Соч., т. IV, Изд-во АПН, М., 1960, стр. 39.

и нормами коммунистической нравственности непременно должно сопровождаться повышением сознательности всех членов общества и прежде всего ростом понимания общественного долга, сознания личной ответственности каждого за положение дел в стране. Нравственный прогресс общества не может базироваться на одном объективном соответствии личных и общественных интересов. Такого соответствия явно недостаточно. Степень нравственного развития во многом зависит от того, знают ли члены общества, насколько их действия по осуществлению собственных целей соответствуют интересам общества, его нравственным принципам и нормам и, зная это, могут ли они подчинить свои личные потребности интересам общества, его нравственным требованиям, а еще более, — руководствоваться в своих действиях преимущественно общественными интересами и требованиями.

Социалистический строй создает необходимые как объективные, так и субъективные условия для воспитания личных потребностей в духе соответствия их общественным интересам, принципам и нормам коммунистической нравственности.

Ведущая роль в создании субъективных предпосылок для воспитания таких потребностей принадлежит марксистско-ленинской идеологии, позволяющей личности правильно осознать смысл своей жизнедеятельности, свою связь с социалистическим обществом, осмыслить единство общественных и личных интересов, подняться до уровня политического сознания. Такая личность приходит к глубокому пониманию своего общественного долга, своего отношения к социалистической Родине, к международным силам социализма. У нее возникает личная ответственность не только за свой труд и свое поведение, но и за положение дел в коллективе, за его трудовые успехи и, более того, за судьбы страны и социализма в целом. В. И. Ленин в «Черновом наброске проекта программы РКП» указывал на необходимость обратить особое внимание на развитие и укрепление товарищеской дисциплины трудящихся и всестороннее повышение их самодеятельности и сознания ответственности. «В этом состоит, — писал В. И. Ленин, — главнейшее, если не единственное, средство окончательно преодолеть капитализм и привычки, созданные господством частной собственности на средства производства»¹.

Поднять сознание советских людей до понимания личной ответственности за положение дел в коллективе, во всей стране — это значит пробудить в каждом советском человеке чувство хозяина страны социализма, внутреннюю потребность всеми силами содействовать ее укреплению и развитию. Само собой разумеется, что это требование прежде всего относится к членам нашей партии. Не случайно на страницах печати ведется серьезный разговор по этому вопросу. Статьи членов партии — рабочего Кировского завода (г. Ленинград) К. Говорушина и рабочего Харьковского тракторного завода Н. Мирошниченко² вызвали многочисленные отклики в печати, стали предметом обсуждения во многих коллективах, в том числе и на многих промышленных предприятиях г. Харькова. Конференции, посвященные теме «О повышении личной ответственности каждого труженика за выполнение своего общественного долга» явились своего рода смотром воспитательной работы, проводимой в коллективах. Выступающие на многочисленных примерах показа-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 96—97.

² К. Говорушин. Лично ответственный, «Правда», 16 ноября 1964 г.; Н. Мирошниченко. Авторитет коммуниста, «Правда», 1 февраля 1965 г.

ли, что в каждом коллективе есть немало людей с высоким сознанием общественного долга, с развитым чувством личной ответственности за общее дело. Взять хотя бы такой пример. В апреле этого года в кузнечном цехе ХТЗ из-за отсутствия штампов мог простоять не менее 16 часов 16-тонный молот. Это обеспокоило коллектив. И тогда фрезеровщики Мушталир, Клевецкий и слесарь Абыхвостов решили сами изготовить штамп для коленчатого вала двигателя СМД. Работа, обычно выполняемая не менее чем за 16 часов, была сделана за 9 часов. Мушталир выполнил свою работу всего лишь за 2 часа 30 минут при норме 10 часов. Несмотря на недуг, он сделал все, чтобы добросовестно выполнить свой долг¹. Подобными примерами богат каждый коллектив. Они свидетельствуют о том, что наше общество имеет неоспоримые успехи в деле воспитания масс.

Основное внимание участники конференций уделили вскрытию недостатков в воспитательной работе. Выступающие с возмущением говорили о многочисленных фактах недобросовестного отношения к общественному долгу, нарушениях принципов и норм коммунистической нравственности.

Проведенные конференции, несомненно, сыграли немаловажную роль в усилении воспитательной работы в коллективах. Участники конференций пришли к следующим выводам:

1. Воспитание чувства личной ответственности за общее дело является важнейшей задачей и неотъемлемым элементом формирования высокого сознания общественного долга.

2. Воспитание чувства личной ответственности у каждого нашего труженика возможно лишь при условии, если в каждом коллективе будет царить атмосфера непримиримости к недостаткам, к нарушениям принципов коммунистической морали, при условии повышения требовательности к каждому со стороны коллектива и в первую очередь партийной и общественных организаций. При этом ответственность каждого «должна сливаться с единством ответственности всего коллектива»².

3. Воспитание чувства личной ответственности приводит каждого к прочным идейным убеждениям, к высокому сознанию общественного долга — основным движущим мотивам поведения строителей коммунизма³.

Важнейшее значение в формировании нравственных качеств личности имеет практика нравственного поведения людей, которая, будучи обусловлена социально-экономическими факторами, сама определяет отношения человека к обществу. В этой связи она является как бы промежуточным звеном в общественной обусловленности поведения человека.

В практике нравственного поведения реализуются господствующие в данном обществе нравственные идеи, принципы и нормы поведения людей. При этом следует различать нравственные традиции, или устои, как реально существующие практические взаимоотношения между людьми в тех или иных коллективах, и личную нравственную практику каждого отдельного человека.

Жизнь советского человека, как правило, неразрывно связана с рядом коллективов (производственным, семейным, коллективом учащихся

¹ См. текущий архив лаборатории конкретно-социологических исследований Харьковского университета. Стенограммы конференций, № 2, стр. 9—10.

² А. С. Макаренко. Соч., т. V, стр. 213.

³ См. текущий архив лаборатории конкретно-социологических исследований Харьковского университета. Материалы конференций.

и т. д.). Изучение вопросов воспитания на ряде промышленных предприятий г. Харькова показывает, что задачи коммунистического воспитания могут успешно решаться лишь при том условии, когда в коллективах происходит разрушение отрицательных и создание положительных традиций. Приведем пример. Начальник конструкторского бюро кузнечного цеха ХТЗ В. И. Довгих в своем выступлении на конференции рассказал о случае, который не мог не встревожить партийную организацию цеха. Весной текущего года рабочий этого же цеха Жарко был судим за недостойное поведение в нетрезвом виде. Несмотря на явную виновность подсудимого, никто из рабочих, присутствовавших на суде, не выступил с осуждением позорного поступка. Более того, некоторые даже пытались оправдать такое поведение¹. К сожалению, подобные случаи — далеко не единичны. Как видно, во многих коллективах осуждение пьянства еще не стало прочной традицией.

Без положительных традиций не может быть ни сплоченного коллектива, уважающего свое достоинство, ни здорового общественного мнения. В каждом коллективе наряду с укреплением старых положительных традиций и выработкой новых должна также идти борьба с отрицательными традициями (например, круговой порукой, групповщиной и т. д.).

Особого внимания, как показали итоги конференций, заслуживают семейные традиции. Семья, как известно, является первой воспитательной средой, а родители — первыми воспитателями. И уж конечно не нотациями, не различными поучениями родители воспитывают детей, хотя и слово при определенных обстоятельствах может оказывать значительное педагогическое воздействие. Ребенок воспитывается всей семейной обстановкой, той нравственной атмосферой, которая его окружает. В связи с этим весьма важно, чтобы в семье укрепились и стали повседневными традиции высоконравственных отношений между родителями, родителями и детьми, членами семьи и окружающими их людьми, семьей и обществом. Поскольку дети строят свое поведение прежде всего путем подражания взрослым и главным образом родителям, то наличие в семье таких традиций безусловно способствует формированию подобных традиций у детей.

Чем прочнее и нравственно значительнее будут семейные традиции, тем быстрее будет протекать формирование характера детей и тем нравственно выше и благороднее будут его обладатели. Конечно, бывают семьи с устойчивыми консервативными традициями, проникнутыми частнособственнической идеологией. В таких семьях у детей рано складываются отрицательные черты характера, т. е. черты собственника, стяжателя, карьериста и т. п.

Говоря о нравственной практике отдельного человека, следует прежде всего иметь в виду то, что внутренний мир человека, его сознание обогащаются двумя различными, но взаимосвязанными путями: а) из собственной деятельности, практики нравственного поведения, личных взаимоотношений с другими людьми, каждый из которых обладает своим собственным опытом нравственного поведения, своей собственной, неповторимой индивидуальностью; б) из общественного опыта, воплощенного в общественных формах взаимоотношений между людьми, в общественных институтах и учреждениях, в орудиях и способах физического и умственного труда, в научных знаниях, в различных идеологических формах общественного сознания.

¹ См. текущий архив лаборатории конкретно-социологических исследований Харьковского университета. Стенограммы конференций, № 2, стр. 25—26.

Ведущая роль в обогащении внутреннего мира человека, в развитии его нравственного сознания принадлежит общественному опыту. Любое воспринимаемое человеком явление лишь тогда получает определенное смысловое значение, осознается, когда оно связывается с определенным общественно выработанным обобщением, в основе которого лежит многовековой опыт людей.

Однако было бы ошибочно недооценивать роль и значение непосредственного опыта, деятельности, практики нравственного поведения человека. Непосредственный опыт человека является опорой, исходным и основным моментом в сложной взаимосвязи индивидуального и общественного сознания, а именно: если общественно выработанные представления, понятия, идеи, взгляды, воздействию которых человек подвергается в процессе его общения с другими людьми, находятся в соответствии с личным опытом человека, приобретенным путем непосредственного взаимодействия с окружающей действительностью, то эти представления, понятия, идеи, взгляды сравнительно легко усваиваются им, вооружают его новыми знаниями и, пополняя тем самым его личный опыт, становятся его прочным достоянием. И напротив, если они не соответствуют его непосредственному опыту, вступают с ним в противоречие, то они не только не усваиваются им, хотя и доступны его пониманию, но даже вызывают противодействие с его стороны.

Таким образом, общественное сознание в его различных формах, в том числе и в форме нравственных понятий, идей, взглядов и требований, является огромной движущей силой в жизни человека, решающим и определяющим стимулом в его поведении, но лишь при том условии, если в нем самом, в его личном опыте они находят соответствующий отклик и почву для усвоения и закрепления. А отсюда, естественно, следует вывод, что воспитание человека не может быть построено только на разъяснении нравственных принципов и норм поведения. Оно необходимо должно включать в себя в качестве основного фактора формирование у него практического опыта нравственного поведения. Именно в этом и кроется секрет воспитания и перевоспитания. Об этом может свидетельствовать опыт лучших наших воспитателей.

Коммунистическое воспитание строится с учетом этих требований. Известно, что само по себе знание нравственных принципов еще не составляет нравственного явления. Последнее наступает только тогда, когда возникает соответствующее поведение. Причем это поведение должно представлять не единовременный акт, а устойчивую, привычную систему нравственного поведения. Опыт такого поведения, как уже отмечалось, надо вырабатывать с малых лет, с тем чтобы на почве этого опыта мог сформироваться высоконравственный характер, достойный нашей эпохи.

К ВОПРОСУ О ВСЕСТОРОННЕМ РАЗВИТИИ И МОРАЛЬНОЙ ЧИСТОТЕ ЛИЧНОСТИ

А. М. Степанченко

Воспитание нового человека — всесторонне развитого, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство — является одной из основных задач КПСС и советского народа по строительству коммунистического общества.

В данной статье рассматриваются некоторые вопросы, характеризующие значение, условия формирования и содержание моральной чистоты — одного из компонентов духовного мира всесторонне и гармонически развитой личности.

* * *

Моральная чистота личности и общества, гармоничность их развития представляет собой сложное, объективно обусловленное социальное явление. Проблема моральной чистоты — часть общей социальной проблемы «личность и общество». Решение ее неразрывно связано с достижением гармонического сочетания интересов личности и общества.

В этой связи следует подчеркнуть, что одним из существенных выражений моральной чистоты гармонически развитой личности является органическое единство ее умения добросовестно трудиться по способностям на благо общества и умения разумно удовлетворять свои все возрастающие материальные и духовные потребности за счет тех материальных и духовных ценностей, которые произведены обществом свободных тружеников для каждого и каждым для всех.

Такое единство обуславливает содержание и непрерывность беспредельного процесса всестороннего и гармонического развития личности, внутренне стимулирует ее становление.

Формирование новых людей, определяясь социальными потребностями нового общества, закономерно вытекает из его социально-экономических особенностей, из высокого уровня гармоничности всех сторон жизни и взаимоотношений общества и личности при коммунизме. Энгельс писал, что сообща и планомерно управляемая всем обществом промышленность, «...предполагает людей со всесторонне развитыми способностями»¹.

Новый человек — высшая ценность, одна из главных целей всех коммунистических преобразований. В. И. Ленин подчеркивал, что ком-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4. стр. 335.

мунистическое общество создается «... для обеспечения *полного* благосостояния и свободного *всестороннего* развития *в с е х* членов общества»¹.

Марксизм-ленинизм учит, что только «... общество, организованное на коммунистических началах, даст возможность своим членам *всесторонне* применять свои *всесторонне* развитые способности»². Это достигается благодаря решению ряда важнейших социальных, экономических и идеологических проблем построения коммунизма. «При коммунизме все люди будут иметь равное положение в обществе, одинаковое отношение к средствам производства, равные условия труда и распределения и активно участвовать в управлении общественными делами. Утвердятся гармонические отношения между личностью и обществом на основе единства общественных и личных интересов. Запросы людей при всем их громадном разнообразии будут выражать здоровые, разумные потребности *всесторонне* развитого человека»³.

Возможности *всестороннего* и гармонического развития личности, возникшие на основе победы социализма в СССР, еще более возрастают в период перехода к коммунизму.

Гармоническое единство не допускает развития одной стороны личности за счет другой, оно предполагает стройное сочетание разных сторон, представляющих собой основные компоненты индивидуальности человека. Гармоническое единство этих компонентов и характеризует целостность индивидуальности нового человека.

Идейной основой такого единства является глубокая коммунистическая убежденность, овладевающая всеми сторонами духовной жизни человека и направляющая мысли, чувства и поступки людей.

Формирование моральной чистоты как личности, так и общества в целом неразрывно связано с закономерным возрастанием в процессе перехода к коммунизму роли нравственных начал в жизни общества, с расширением сферы действия морального фактора в регулировании взаимоотношений между людьми, личностью и обществом.

Руководство принципами коммунистической морали, их неукоснительное соблюдение каждым человеком по своему глубокому убеждению, по велению коммунистической совести, добровольный труд на благо общества, соблюдение основных правил человеческого общежития по привычке — все эти и другие выражения моральной чистоты составляют реальные духовные предпосылки существенных изменений политической организации общества, идущего к коммунизму. Эти изменения в свою очередь обуславливают расцвет моральной чистоты.

«Государство, — писал В. И. Ленин, — сможет отмереть полностью тогда, ... когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться *по способностям*»⁴.

В. И. Ленин связывал появление духовных предпосылок организации коммунистического общественного самоуправления с другими социально-экономическими и политическими предпосылками, в частности с развитием социалистической демократии, с умением всех самостоятельно управлять общественным производством, с действительным участием

¹ В. И. Ленин. Соч. т. 6 стр. 37. (Здесь и далее по 4-му изданию).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 336.

³ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат, М., 1964, стр. 63, 64.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 440.

народных масс в этом управлении, вследствие чего «...необходимость соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет привычкой»¹.

И тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства»¹.

Формирование моральной чистоты, как и всестороннее развитие индивида в целом, является одной из важнейших закономерностей перехода к коммунизму. Моральная чистота, означающая расцвет лучших нравственных качеств гармонически развитой личности, выступает как возникший в конкретнo-исторических объективных условиях субъективный фактор прогрессивного развития общества. Она является выражением возрастания творческой, созидательной активности человека в коммунистическом прогрессе. Этим определяется роль моральной чистоты в жизни общества.

* *
*

В антагонистическом обществе, основанном на частной собственности, порождающей самые аморальные явления — эксплуатацию человека человеком, вражду и недоверие, жажду наживы, постоянное неравенство и дискриминацию в отношениях между людьми, нет условий для успешного развития моральной чистоты всех членов общества.

В таком обществе нравственные качества, честь и достоинство человека подвергаются развращающему влиянию капитала, подчиняются силе денег и измеряются этой, отчуждающей от человека человеческое силой.

Карл Маркс подчеркивал, что то, чего человек не в состоянии сделать своими индивидуальными сущностными силами, он может «...сделать при помощи денег. Таким образом, деньги превращают каждую из этих сущностных сил в нечто такое, чем она сама по себе не является, т. е. в ее противоположность»².

Деньги извращают индивидуальность, всякую немощь человека — уродство и скудоумие, бесчестие и бессовестность и другие, нередко и положительные качества человека превращают в прямую противоположность³. «Они превращают верность в измену, любовь в ненависть, ненависть в любовь, добродетель в порок, порок в добродетель, раба в господина, господина в раба, глупость в ум, ум в глупость»⁴, т. е. подменяют все природные и человеческие качества, «...осуществляют братание невозможностей; они принуждают к поцелую то, что противоречит друг другу»¹. Вот почему человеку, который опирается на всеильную власть денег и считает, что деньги олицетворяют его достоинства, чуждо само понятие моральной чистоты, чести личности, он извращенно понимает честь и достоинство человека. «Какая такая честь? — рассуждает один из персонажей пьесы А. Н. Островского «Горячее сердце» — купец Курослепов. — Нажил капитал, вот тебе и честь. Что больше капиталу, то больше и чести»².

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 446.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. Госполитиздат, М., 1956 стр. 619.

³ См. там же, стр. 618.

⁴ Там же, стр. 620.

⁵ Там же.

⁶ А. Н. Островский. Избранные сочинения. ОГИЗ, М.-Л., 1947, стр. 267.

Американский прогрессивный социолог Р. Миллс, характеризуя аморальность буржуазного строя, особенно аморальность в верхах, пишет: «Общество, сводящее понятие «жизненного успеха» всего лишь к обладанию крупными деньгами и с этой точки зрения осуждающее материальную неудачу как главный порок, возведшее деньги на уровень абсолютной ценности, — такое общество неизбежно плодит продувных дельцов и темные дела»¹. В связи с этим в буржуазном обществе «не существует больше моральных критериев, при помощи которых можно было бы судить, что является приемлемым и что является неприемлемым»². Так власть денег, присущая капиталистическим отношениям, разрушает моральные ценности, обесценивает истинно человеческий критерий нравственности, чем нравственно калечит человека.

Разрушение, кризис личности, духовное обесценивание человека, невозможность его гармонического развития являются социальным злом, тягчайшим последствием капитализма. «Искалечение человеческой личности, — говорил известный ученый А. Эйнштейн, — есть худшее из зол, несомых капитализмом»³.

Современные буржуазные этические системы, отражающие растущий аморализм буржуазии, пытаются оправдать извращение человеческой сущности и тем самым насаждают моральную нечистоплотность. В частности, субъективно-идеалистическая, крайне эгоистическая этика прагматизма, особенно широко распространенная в США, исходит из принципа индивидуалистической выгоды или личного успеха и открыто выражает интересы американского бизнеса, разбойничьего империализма. Она проповедует грабительские войны, агрессию, преступления, как средства достижения личной выгоды.

Многочисленные факты капиталистической действительности свидетельствуют о том, что «капитализм с его эксплуатацией человека человеком, с его шовинистической и расистской идеологией, со свойственным ему моральным упадком, разгулом спекуляции, коррупции, преступности разлагает общество, семью человека»⁴.

Только уничтожение капитализма, избавление человечества от социального неравенства, от всех форм угнетения и эксплуатации, от порожденных капитализмом нравственных пороков, утверждение новых, коммунистических общественных связей, внедрение их в сознание и повседневные отношения между людьми создают необходимые условия для всестороннего расцвета, моральной чистоты каждого члена общества.

* * *

*

Моральная чистота нового человека имеет свою предшествующую историю и широкие перспективы. В ней выражена преемственность в нравственном развитии человечества, органическая связь коммунистической морали с прогрессивными устремлениями народных масс, с нравственными идеалами трудящихся.

¹ Р. Миллс. Властвующая элита. Изд-во «Иностранная литература» М., 1959, стр. 463—464.

² Там же, стр. 459.

³ Цит. по кн. В. Львов. Жизнь Альберта Эйнштейна. Изд-во «Молодая гвардия» М., 1958, стр. 209.

⁴ Программа КПСС. Госполитиздат, М., 1964, стр. 33.

Народные массы не только создавали идеал свободного, освобожденного от гнета и эксплуатации человека. В ходе многовековой борьбы за социальную справедливость они вырабатывали и внедряли общечеловеческие нравственные качества, простые нормы нравственности. К ним относятся элементарные правила, охраняющие совместную жизнь людей от различных эксцессов, трудолюбие и ненависть к тунеядцам, непримиримость к несправедливости, честность и правдивость, простота и скромность, взаимоважение и взаимопомощь, забота о детях, о стариках, выполнение взаимных обязательств друг перед другом и коллективом, выполнение патриотического долга и другие гражданские обязанности и нормы поведения в общественной и личной жизни, к выполнению которых обязывают моральные требования народа и вытекающие из них личные убеждения, веления совести.

Простые нормы нравственности и справедливости являются этической основой справедливого человеческого общежития и потому обязательны для всех членов общества. Но они всячески извращаются, уродуются или бесстыдно попираются эксплуататорами.

Без соблюдения естественных, неизвращенных простых законов нравственности невозможна нормальная совместная жизнь, само существование и исторический прогресс общества. Они имеют глубокие исторические корни и большое будущее. При коммунизме они станут нерушимыми жизненными правилами¹. Необходимо «...добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами»².

Носителями лучших нравственных качеств были и остаются народные массы — творцы истории. Н. А. Добролюбов в статье «Черты для характеристики русского простонародья» утверждал, что, несмотря на гнет крепостнического строя и насаждаемые им пороки, именно в трудовом народе проявлялась забота о нравственной чистоте, о чести и достоинстве личности, что трудовой человек более других заботится о своей добропорядочности и совсем не безразличен к мнению о нем. «Но мы утверждаем одно, что там (среди крестьянства — А. С.) более внимательности к достоинству человека, менее безразличия к тому, каков мой сосед и каким я кажусь моему соседу. Забота о *доброй славе* там встречается чаще, чем в других сословиях, и в виде более нормальном»³. И далее Н. А. Добролюбов подчеркивает, что трудовой народ более других сословий способен и внутренне стремится «...ко всевозможным возвышенным чувствам и поступкам...»⁴. Это его естественные стремления.

Именно в народе находится неиссякаемый источник моральной чистоты, добропорядочности и искренности человека. Только народ-труженик, создающий материальные и духовные ценности, может не только выработать, но и внедрить в жизнь самые благородные и справедливые нравственные нормы человеческого общежития.

Из этого живительного источника черпают лучшие нравственные качества все те, кто правдиво и честно служит народу, самоотверженно борется за интересы трудящихся, живет этими интересами как своими

¹ См. Программа КПСС, стр. 19.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 1.

³ Н. А. Добролюбов. Избранные философские произведения в двух томах, том второй М., ОГИЗ, 1948, стр. 415.

⁴ Там же, стр. 422.

кровными. Поэтому борцы за народное дело, революционеры не отделяют себя от народа, естественно просты, скромны, искренни и честны — они являют собой образец моральной чистоты, что, например, ярко и правдиво показано А. М. Горьким в романе «Мать» в образе Ниловны, Павла Власова и других революционеров.

О французских социалистических рабочих К. Маркс писал, что «человеческое братство в их устах не фраза, а истина, и с их заглубелых от труда лиц на нас сияет человеческое благородство»¹. Это положение обогащает содержание и структуру моральной чистоты революционными идеями социалистического гуманизма, истинно человеческого братства, единством слова и дела («не фраза, а истина»), а также подчеркивает благородство человека труда. Это важнейшее выражение моральной чистоты. Любое фразерство, пустозвонство, лицемерие, как отвратительные нравственные пороки, несовместимы с моральной чистотой.

Рабочий класс наряду с наполнением простых норм нравственности пролетарским, революционным содержанием в ходе революционной борьбы выработал новые нравственные нормы и требования, характеризующие коммунистическую нравственность как нравственность, которая «...служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов»².

К таким нормам относятся преданность делу социалистической революции, борьба за коммунизм, коллективизм, товарищеская взаимопомощь, солидарность в революционной борьбе. Эти принципы, воплощающие идеи пролетарского коллективизма и интернационализма в борьбе за революционное преобразование общества, также служат источником моральной чистоты человека, а их действенность в жизни общества — ее выражением. Они характеризуют содержание моральной чистоты, являются ее компонентами.

Вся история развития рабочего класса, революционной борьбы трудящихся нашей страны и строительство коммунизма в СССР под руководством Коммунистической партии является ярким образцом проявления моральной чистоты борцов за коммунизм, совершающих исторический подвиг великой нравственной силы.

В советском социалистическом государстве развиваются и совершенствуются включенные в коммунистическую мораль простые нормы нравственности и принципы, выработанные революционным рабочим классом, а также формируются новые нравственные принципы, рожденные в процессе строительства социализма и перехода к коммунизму. Например, социалистический патриотизм, дружба и братство всех народов СССР, братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами, добросовестный труд на благо общества, забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния, высокое сознание общественного долга и нетерпимость к нарушениям общественных интересов, непримиримость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов и другие нравственные нормы. Они обогащают содержание моральной чистоты и в единстве с первыми двумя источниками составляют научную основу нравственного поведения строителей коммунизма,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. Госполитиздат, М., 1956, стр. 607.

² В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 268.

поведения, представляющего собой важнейший этап гармонического расцвета моральной чистоты человека коммунистического общества.

* *
*

Рассмотренные источники и компоненты моральной чистоты — простые нормы нравственности, нормы пролетарской морали, выработанные революционным рабочим классом, и нормы, порожденные в эпоху коммунистической формации, коммунистическими преобразованиями мира — нашли свое реальное выражение в принципах морального кодекса строителя коммунизма, кодекса советского народа, создающего бесклассовое общество. Этот кодекс, будучи высшим выражением коммунистической морали на данном этапе ее развития, является важной ступенью в утверждении действительно человеческой морали коммунизма, лишенной классово-ограниченности и стоящей «... выше классовых противоположностей и всяких воспоминаний о них...»¹.

Как неотъемлемая часть программы строительства коммунизма в нашей стране, моральный кодекс обязывает каждого советского человека бороться за свою моральную чистоту, за нравственную чистоплотность других людей, всего общества строителей коммунизма, чтобы подняться выше, стать достойными тружениками нового общества. В этом состоит социальная роль морального кодекса строителя коммунизма, являющегося этической основой дальнейшего развития лучших нравственных качеств свободного человека, расцвет и полное раскрытие которых в условиях коммунизма будут наиболее глубоко характеризовать моральную чистоту всесторонне и гармонически развитой личности коммунистического общества.

Наряду с социально-экономическими условиями формирования и расцвета моральной чистоты необходимо, чтобы в процессе перехода к коммунизму принципы коммунистической морали стали глубокими личными убеждениями, нравственным законом жизни каждого человека социалистического общества. Это одна из основных задач предусмотренного в Программе КПСС утверждения коммунистической морали в жизни общества, главное в нравственном воспитании трудящихся масс.

Ведь вполне справедливо, что «... не того можно назвать человеком истинно нравственным, кто только терпит над собою веления долга, как какое-то тяжелое иго, как «нравственные вериги», а именно того, кто заботится слить требования долга с потребностями внутреннего существа своего, кто старается переработать их в свою плоть и кровь внутренним процессом самосознания и саморазвития так, чтобы они не только сделались инстинктивно-необходимыми, но и доставляли внутреннее наслаждение»².

Такое слияние требования долга с внутренней потребностью личности в соблюдении нравственных норм, активная борьба за упрочение принципов коммунистической морали представляет собой важнейший элемент структуры моральной чистоты нового человека.

Основой и источником превращения принципов коммунистической морали в глубокие убеждения личности являются наша социалистическая действительность, коммунистическая убежденность, они определяют

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 96.

² Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в трех томах, т. 1, ГИХЛ, М., 1950, стр. 370.

высокое сознание общественного долга — общественно необходимое, должное обществу, людям. На этой основе и происходит слияние требований долга с внутренними потребностями, чувствами и другими духовными побуждениями личности, которые не всегда даже осознаются человеком. Единство требований долга с внутренними потребностями личности выступает в качестве мотива деятельности, является побудительной силой нравственно чистого поступка как индивидуумов, так и коллективов в целом.

Приведем обыденный и вместе с тем типичный для нашей советской действительности пример действенности такого единства. Специализированный строительный студенческий отряд Харьковского политехнического института имени В. И. Ленина работал в целинном совхозе на строительстве жилья. Там были перебои со снабжением строительными материалами и другие, не зависящие от отряда организационные неполадки, что, естественно, отражалось на производительности труда, на заработках отряда. Естественно, что студенты не получали и морального удовлетворения от такой работы. Поэтому как-то на общем собрании отряда заговорили, что надо, мол, перейти на строительство хозяйственных построек в соседний совхоз, где полностью обеспечивается нормальная работа. Раздавались голоса: «Хватит, ребята, мучиться», «до каких пор терпеть это безобразие», «нужно переходить в другой совхоз». Вдруг поднимается студент и говорит: «Ребята, а что мы строим? — Ведь мы жилье строим. Вот вчера приходил к нам новосел с сынишкой. В землянке живут. Чувствуется, что человек ждет этот дом, хочет к зиме перебраться. Люди в нас верят, а мы бросим. . . » И все сразу загудели и единодушно решили остаться строить дома»⁴.

Конечно, и духовные потребности, и чувства, и высокое сознание общественного долга, как и другие, даже неосознанные человеком, духовные побуждения, определяющие моральную чистоту и характеризующие ее содержание, не приходят сами по себе, не автоматически влияют на мотивы деятельности человека, на формирование его морального облика. Это не стихийный, а организованный процесс воздействия творческого труда всего советского народа, это результат грандиозной работы партии по коммунистическому воспитанию трудящихся, — прямой продукт и коммунистических идей и, говоря словами Маркса, действительных коммунистических действий², того исторического движения, которое уже реально преобразовывает мир.

В этом движении формируются новые, самые человеческие отношения между людьми, а человечность в ее широком социальном значении и глубоком смысле и составляет суть коммунистических нравственных отношений. Это наряду с другими факторами обуславливает глубокое внимание и действенный интерес советских людей, активных строителей коммунизма в первую очередь, к решению коренных проблем нравственности в процессе строительства коммунизма, одной из которых является формирование лучших нравственных качеств свободного человека, составляющих моральную чистоту личности, коллективов, нового общества в целом.

¹ См. Текущий архив Харьковского обкома ЛКСМУ. Стенограмма республиканского совещания комсомольского актива учебных заведений УССР, состоявшегося 15 мая 1964 г.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. Госполитиздат, М., 1956, стр. 606.

Определяемые коммунистической идейностью и принципиальностью нравственные качества характеризуют повседневное отношение личности к обществу, уровень сознания ее ответственности перед партией и народом за порученное дело, выполнение человеком обязанностей перед социалистической Родиной, друг перед другом, характеризуют взаимоотношения людей в их повседневном общении. Эти качества органически вытекают из принципов сформулированного в Программе КПСС морального кодекса, они естественно составляют сложный по объему и глубокий по содержанию компонент моральной чистоты нашего современника — строителя коммунизма. Это ценное духовное достояние советского человека.

В этой связи приведем некоторые предварительные данные выборочного опроса студентов Харьковского государственного университета.

Из проанализированных ответов на вопросы анкеты видно, что большинство охваченных опросом студентов наиболее ценными достоинствами человека считают именно такие идейно-направленные высокие нравственные качества. Об этом свидетельствует 70,8% ответов. В 16,5% ответов указываются волевые качества и в 12% — интеллектуальные. Во многих ответах эти качества показаны в своем сочетании, в единстве. В 63% общего числа ответов, указывающих на нравственные качества, называются честность и правдивость, искренность и сердечность, простота и скромность как качества, в которых непосредственно выражается моральная чистота личности как в повседневных отношениях к социалистическому обществу, к коллективу, так и в отношениях друг к другу. В остальных ответах этой группы студенты называют другие положительные качества личности, определяемые принципами коммунистической морали.

Как показало анкетирование и проведенные беседы, наиболее ценные достоинства человека, в частности нравственные качества, студенты рассматривают в неразрывном единстве с общественно значимым пониманием смысла и цели жизни, как качества, благодаря которым совершенствуется личность, достигается высокая жизненная цель — честно служить советскому народу, социалистическому обществу, способствовать прогрессивному развитию человечества, помогать людям. Об этом говорит и то, что большинство студентов именно так объясняют, почему названные ими качества они считают наиболее ценными, идеалом человеческих достоинств. Например, студент пятого курса радиофизического факультета А. Кириленко на вопрос: «Ваш идеал человеческих достоинств?» отвечает: «Эрудиция + простота» и далее объясняет: «...простота в соединении с эрудицией необходима в силу того, что эрудиция без простоты делает человека заносчивым и самонительным». Студент четвертого курса исторического факультета пишет, что «простота в обращении с людьми, скромность в поведении, чувство товарищества... помогают жить и трудиться...», а другой студент этого же факультета считает, что обладание такими качествами как искренность, простота, скромность и целеустремленность — необходимое условие для того, чтобы человек мог внести положительный вклад в развитие общественного прогресса.

Данные проведенного опроса свидетельствуют о том, что наши студенты, как и большинство советских людей, серьезно озабочены решением проблемы нравственного становления человека, формирования моральной чистоты, образец которой они видят в В. И. Ленине, в его бли-

жайших соратниках и учениках, в наших лучших современниках — людях высокого общественного долга.

* *
*

Моральная чистота личности и коллектива является одним из выражений духовного мира, идейно направленной сознательной деятельности людей в сфере их повседневных нравственных отношений, в прогрессивном развитии человека и общества. Ее социальная роль возрастает в процессе перехода к коммунизму вместе с повышением активности и сознательности трудящихся масс в строительстве коммунизма.

Моральная чистота, как и другие субъективные факторы в жизни общества, созревает и приобретает активную действенность лишь на базе определенных объективных условий развития общества, которые преломляясь в сознании человека, находят свое выражение в теоретическом знании и в практическом опыте людей.

Объективные условия, все созданные социалистическим строем преимущества должны быть организованно и наиболее эффективно использованы в процессе коммунистического воспитания строителей коммунизма.

Научное обоснование понятий, конкретного содержания и процесса формирования всех компонентов всесторонне и гармонически развитой личности, в том числе и моральной чистоты, — одна из насущных задач научного руководства обществом. Решение ее несомненно будет способствовать возрастанию социальной роли моральной чистоты, усилению ее действенности, способствовать совершенствованию коммунистического воспитания трудящихся, повышению уровня их сознательной деятельности в построении коммунизма.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ АКТИВИСТА-ОБЩЕСТВЕННИКА

*Л. Ф. Нецвет, Л. А. Маленкова, С. П. Ковригин,
И. Ф. Новохацкая*

Роль общественных и самодеятельных организаций в управлении производством в решающей степени зависит прежде всего от степени социальной активности членов этих организаций, от объективных и субъективных условий реализации их активности.

Одним из критериев оценки социальной активности человека является время, затрачиваемое им на общественную работу.

Изучая бюджет времени, мы преследовали цель выяснить, прежде всего, как влияет участие в общественной работе на структуру бюджета свободного времени, в какое время трудящиеся занимаются общественной деятельностью — в рабочее или в нерабочее, сколько времени тратится на общественную работу, каково соотношение баланса времени активистов-общественников и остальных работающих.

Изучение бюджета времени рабочей недели методом самофотографии проводилось на четырех заводах г. Харькова (ХЭМЗ, велозавод, «Серп и молот», завод кондиционеров). Было проанализировано 1200 суточных бюджетов времени трудящихся. Предварительно изучалась деятельность общественных и самодеятельных организаций в обследуемых цехах указанных заводов, количественный и качественный состав актива общественников. На основе анализа полученных материалов была сделана пятипроцентная выборка обследуемых активистов и двухпроцентная — неактивистов, причем соотношение общественников и остальных рабочих составило 3 : 1. При этом была поставлена цель обеспечить пропорциональную представительность обследуемых в зависимости от пола, возраста, партийности, стажа работы, семейного положения и т. п. При изучении бюджета времени применялась классификация и структура затрат, разработанная институтом экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР.

Хотя наши исследования не носят массового характера, полученные результаты в определенной мере являются типичными и позволяют сделать некоторые выводы, прежде всего о влиянии общественной работы на структуру бюджета времени и, в частности, на использование свободного времени.

В современной философии и экономической советской литературе существует несколько точек зрения на содержание свободного времени. Отдельные авторы делят все время рабочих суток на рабочее и свободное, включая тем самым в свободное время и вне рабочее время, связан-

ное с производством, и время на домашний труд, на удовлетворение физиологических потребностей¹.

С таким отождествлением внерабочего и свободного времени нельзя согласиться. Свободное время — это лишь составная часть внерабочего времени, причем пока небольшая, но самая ценная.

Правильное, на наш взгляд, толкование свободного времени дают Г. А. Пруденский и Г. С. Петросян². Свободное время — это время, используемое трудящимися для всестороннего духовного и физического развития, для повышения культурного и общеобразовательного уровня, общественной деятельности, воспитания детей, физкультуры и спорта, отдыха и развлечений.

О не тождественности внерабочего и свободного времени свидетельствуют и результаты исследований, проведенных Институтом экономики Сибирского отделения Академии наук. Исследования показали, что уменьшение рабочего времени само по себе еще не означает такого же увеличения свободного времени. Так, сокращение рабочего дня на один час в некоторых случаях вообще не привело к росту свободного времени, поскольку этот час внерабочего времени расходовался на домашний труд, уход за детьми и т. д. Величина свободного времени зависит от многих факторов. В частности, на величину свободного времени и рациональное его использование большое влияние оказывает участие в общественной работе.

В табл. 1 приводятся данные о распределении времени в зависимости от участия в работе общественных организаций.

Таблица 1

Распределение времени в зависимости от участия в работе общественных организаций (в %)

Категории трудящихся	Рабочее время	Вне рабочее время, связанное с работой на производстве	Физиологические потребности	Домашний труд	Свободное время	Неуцененное время
Активисты-общественники	28,7	10,5	34,5	3,9	21,6	0,8
Остальные члены коллектива	28,1	13,8	35,6	6,4	15,2	0,9

Примечание: За 100% принят бюджет времени рабочей недели; 1% ее времени составляет в неделю 1 ч 26 мин на человека.

Структура бюджета времени общественников отличается от структуры бюджета времени лиц, не участвующих в общественной жизни. У активистов-общественников на 9 ч 10 мин в рабочей неделе больше свободного времени, чем у остальных трудящихся. В бюджете времени активиста домашний труд и вне рабочее время, связанное с работой на

¹ А. Мяслюк. Свободное время и всестороннее развитие личности. Изд-во ВПШ и АОН, М. 1962, стр. 4; М. Казарцев. Цена времени. Изд-во «Советская Россия», М., 1960, стр. 50, 60, 62, 77; Э. Струков. Всестороннее и гармоническое развитие личности. Госполитиздат, М., 1964, стр. 17.

² Г. А. Пруденский. Вопросы учета вне рабочего времени. «Вопросы экономики», 1959 г. № 4 Г. С. Петросян. Свободное время в социалистическом обществе. «Вопросы философии», 1965 г., № 2

производстве, имеют значительно меньший удельный вес, чем у необщественников.

Если учесть, что выборка обследуемых проводилась с таким расчетом, что соотношение между семейными и одиночными в группе активистов-общественников то же, что и в группе остальных работающих, то значительная разница в затратах времени на домашний труд объясняется не семейным положением, а главным образом тем, что трудящиеся, активно участвующие в общественной жизни, более организованно используют свое время.

Исследования показали, что 60% всей общественной работы выполняется в свободное время, 17% — в обеденный перерыв и 13% — в рабочее время. Как правило, в рабочее время ведется подготовка к общим собраниям и заседаниям различных общественных организаций.

Характерно, что эти данные в основном совпадают с полученными ранее результатами изучения работы общественных организаций и личных наблюдений сотрудников социологической лаборатории Харьковского университета.

Имея больше свободного времени, активисты умеют и более рационально его использовать. Это особенно наглядно видно при анализе структуры бюджета свободного времени (табл. 2). У активистов-общественников учеба занимает 10 ч 36 мин в неделю — более чем третью часть их свободного времени. Второе место по затратам времени занимает просмотр телепередач и слушание радио — 5 ч 56 мин, далее — чтение — 4 ч 48 мин и общественная работа — 2 ч 31 мин. У необщественников наибольший удельный вес в свободном времени имеет просмотр телепередач и слушание радио — 5 ч 46 мин; на втором месте учеба — 4 ч 7 мин и пассивный отдых — 3 ч 17 мин.

Такое распределение затрат времени, на наш взгляд, является закономерным, так как люди, участвующие в управлении производством, больше испытывают тягу к учебе (в нашем исследовании общественники почти в 2,5 раза больше затрачивают времени на учебу, чем остальные члены коллектива). Значительную часть своего свободного времени они посвящают чтению газет, журналов, художественной и специальной литературы и, по сравнению с остальными членами коллектива, в семь раз больше тратят времени на общественную работу.

Большой интерес представляют данные о структуре свободного времени трудящихся в зависимости от пола (табл. 3).

При сравнении бюджета времени мужчин и женщин, активно участвующих в общественной работе, оказалось, что их свободное время примерно одинаково. Это объясняется тем, что большие затраты на домашний труд у женщин-общественниц по сравнению с мужчинами в основном компенсируются меньшими затратами вне рабочего времени, связанного с производственными процессами, и времени на физиологические потребности.

Следует отметить, что при равном количестве свободного времени у активистов разного пола женщины используют то время более рационально (табл. 4). В сравнении с мужчинами женщины почти в два раза больше тратят времени на учебу и в равной мере занимаются общественной работой. Вместе с тем затраты времени на домашний труд у женщин в 3,4 раза больше, чем у мужчин. У членов коллектива, не принимающих участия в общественной жизни, — почти в 4 раза, у активистов-общественников этот разрыв сокращается до 2,7 раза.

Таблица 2

Распределение затрат свободного времени трудящихся в зависимости от участия в общественной жизни (в %)

Категории трудящихся	Учеба	Чтение литературы			Воспитание детей	Театр, кино	Телевидение, радио, магнитофон	Физкультура, прогулки	Любительский труд	Другие виды отдыха	Пассивный отдых	Общественная работа					
		общественно-политической	специальной	художественной								в том числе					
												связанная с производством	общественно-воспитательная	культурно-массовая	по месту жительства		
Активисты-общественники . . .	34,2	7,4	0,4	7,7	7,0	2,6	19,1	2,4	2,1	1,1	7,9	8,1	5,2	2,1	0,4	0,4	—
Остальные члены коллектива .	18,8	4,4	—	6,5	11,3	4,8	26,3	1,4	—	10,1	14,9	1,5	1,1	0,4	—	—	—

Примечание: За 100% взято все свободное время. 1% времени составляет в 1-й строке — 18,6 мин, во 2-й — 13,2 мин.

Таблица 3
Распределение затрат времени у мужчин и женщин (в %)

	Рабочее время	Внерабочее время, связанное с производственными процессами	Физиологические потребности	Домашний труд	Свободное время	Неучтенное время
Мужчины	28,8	11,5	36,6	2,8	20,3	
в том числе:						
активисты-общественники	29,0	11,0	34,8	2,7	21,5	1,0
остальные члены коллектива	28,3	12,6	37,0	3,2	17,8	1,1
Женщины	27,8	12,1	33,3	9,6	16,8	0,4
в том числе:						
активистки-общественницы	27,9	9,3	33,3	7,3	21,7	0,5
остальные члены коллектива	27,7	15,9	33,1	12,3	10,7	0,3
Семейные женщины	27,0	10,0	35,0	15,0	13,0	—
Одиноким женщины	28,6	12,8	32,4	5,4	20,8	—

Примечание: За 100% берется бюджет рабочей недели; 1% времени составляет в неделю 1 ч 26 мин на человека.

Такое же положение с затратами времени на домашний труд было отмечено и другими исследователями¹.

Значительные затраты времени у женщин на домашний труд уменьшают их свободное время по сравнению с мужчинами на 5 ч в рабочую неделю. А домашний труд, как отмечал В. И. Ленин, является самым отупляющим, самым изнурительным из всех видов труда, утомляющим своим однообразием и бессодержательностью. Поэтому правильно и своевременно поднимается в нашей печати вопрос о дальнейшем расширении и улучшении бытового обслуживания, о предоставлении женщинам, особенно имеющим детей, права работать неполный рабочий день с соответствующей оплатой. Эти меры существенным образом уменьшили бы затраты на домашний труд и увеличили бы свободное время женщин.

Различия в структуре свободного времени мужчин и женщин наблюдаются в зависимости от их семейного положения. Особенно большое влияние оказывает семейное положение на бюджет времени женщин.

Как видно из табл. 3, свободное время у семейных женщин меньше на 11 ч 10 мин, а домашний труд больше в 2,7 раза, чем у женщин-одиночек. Затраты времени на домашний труд у семейных женщин даже больше, чем свободное время. Однако нельзя утверждать, что семейные обязанности являются основной помехой всестороннему духовному и физическому развитию тружениц (см. табл. 5).

Одиноким женщины-общественницы половину своего свободного времени отдают учебе, повышению квалификации, очень много читают, особенно общественно-политической литературы, много занимаются общественной работой, уделяя ей почти 10% свободного времени.

¹ См. «Философские науки», 1963, № 1, стр. 33; «Вестник ЛГУ, серия экономики, философии и права», 1961 г. № 23, вып. 4, стр. 100.

Таблица 4

Распределение затрат свободного времени у мужчин и женщин (в %)

	Учеба	Чтение литературы			Театр, кино	Телевидение, радио, магнитофон и др.	Воспитание детей	Физкультура, прогулки	Любительский труд	Другие виды отдыха	Пассивный отдых	Общественная работа				
		общественно-политической	художественной	специальной								Театр, кино	Телевидение, радио, магнитофон и др.	Воспитание детей	Физкультура, прогулки	Любительский труд
Мужчины	25,6	7,4	7,2	0,2	2,5	24,7	6,6	2,2	2,0	5,2	10,6	5,8	3,3	1,8	0,3	0,4
в том числе:																
общественники	28,5	8,2	8,0	0,3	2,7	21,9	6,5	2,9	2,9	1,6	8,4	8,1	4,5	2,6	0,4	0,6
Остальные мужчины	19,3	5,7	6,0	—	1,7	30,5	7,0	0,3	—	13,4	15,5	0,6	0,6	—	—	—
Женщины	40,6	3,7	7,8	0,6	5,5	12,0	12,6	1,7	—	0,2	8,3	7,0	5,8	0,9	—	0,3
в том числе:																
общественницы	49,6	5,3	7,8	0,8	2,2	11,2	8,2	0,6	—	—	6,3	8,0	7,3	0,7	—	—
Остальные женщины	17,2	0,4	8,0	—	13,6	14,2	24,0	4,5	—	0,5	13,5	4,1	2,5	1,6	—	—

Примечание: За 100% принято все свободное время рабочей недели. 1% времени составляет в 1-й строке 17,5 мин; во 2-й — 18,6; в 3-й — 15,4; в 4-й — 14,5 в 5-й — 18,7; в 6-й — 9,2.

Семейные женщины-общественницы также значительно больше уделяют внимания учебе, чем женщины, не участвующие в общественной работе: первые учатся 12 ч в неделю, вторые — 2 ч 38 мин. По сравнению же с одинокими женщинами-необщественницами, семейные женщины, ведущие общественную работу, отдают учебе в два раза больше времени. То же самое мы видели и в отношении чтения литературы и общественной работы. Хотя в процентном отношении к бюджету свободного времени семейные женщины-необщественницы, на первый взгляд, занимают много общественной работой — 7,6%, однако это происходит за счет того, что бюджет свободного времени у них очень мал. В абсолютной величине это составляет 46 мин, тогда как женщины-общественницы, имеющие семью, занимаются общественной работой 1 ч 20 мин в неделю.

Большой удельный вес в свободном времени женщин, не принимающих участия в общественной жизни, имеет пассивный отдых — 2 ч 4 мин. У одиноких женщин он равняется 1 ч 54 мин и у семейных — 2 ч 11 мин, что составляет 21,8% их свободного времени.

Важной чертой неуклонного роста культурного уровня трудящихся социалистического общества является все большее стирание граней между умственным и физическим трудом. Исследование показало, что по культурному уровню, интересам и запросам рабочие мало чем отличаются от

Таблица 5

Распределение затрат свободного времени у семейных и одиноких женщин (в %)

	Учеба	Чтение литературы			Театр, кино	Телевидение, радио, магнитофон и др.	Воспитание детей	Физкультура, прогулки	Любительский труд	Другие виды отдыха	Пасивный отдых	Общественная работа				
		общественно-политической	художественной	специальной								связанная с производственным процессом	общественно-воспитательная	культурно-массовая	по месту жительства	
Женщины-общественники	49,6	5,3	7,8	0,8	2,2	11,2	8,2	0,6	—	6,3	8,0	7,3	0,7	—	—	—
из них:																
семейные	45,9	2,8	8,7	—	4,8	8,3	19,2	—	—	5,2	5,1	5,1	—	—	—	—
одинокие	51,2	7,0	6,8	1,3	—	12,8	0,2	1,2	2,9	6,7	9,9	8,8	—	—	—	—
Остальные женщины	17,2	0,4	8,0	—	13,6	14,2	24,0	4,5	0,5	13,5	4,1	2,5	1,6	—	—	—
из них:																
семейные	—	1,5	3,6	—	—	3,7	53,2	8,6	—	21,8	7,6	7,6	—	—	—	—
одинокие	27,9	—	10,9	—	22,2	20,8	2,1	2,6	0,9	10,0	2,6	2,6	—	—	—	—

За 100% принято все свободное время рабочей недели. 1% времени составляет в 1-й строке — 18,7 мин; во 2-й — 15,8; в 3-й — 22,3; в 4-й — 9,2; в 5-й — 6,0; в 6-й — 11,4.

Таблица 6

Распределение свободного времени у рабочих, ИТР и служащих (в %)

Категория трудящихся	Учеба	Чтение литературы			Театр, кино	Телевидение, радио, магнитофон и др.	Воспитание детей	Физкультура, прогулки	Любительский труд	Другие виды отдыха	Пасивный отдых	Общественная работа				
		общественно-политической	художественной	специальной								связанная с производственным процессом	общественно-воспитательная	культурно-массовая	по месту жительства	
Рабочие активисты-общественники	24,8	7,5	9,7	0,2	2,9	21,5	8,2	3,9	1,9	6,9	11,3	5,6	3,5	0,6	1,6	—
ИТР и служащие активисты-общественники	48,6	6,5	5,1	0,5	2,3	14,5	4,7	0,2	1,6	8,9	4,5	4,1	0,3	0,1	—	—

За 100% взято все свободное время рабочей недели; 1% составляет в 1-й строке — 18,3 мин, во 2-й — 20 мин.

ИТР и служащих. Из табл. 6 видно, что рабочие уделяют чтению литературы даже больше времени, чем ИТР, не меньше времени они отводят и культурным развлечениям, спорту, общественной работе.

Существенная разница наблюдается лишь в затратах на учебу. ИТР и служащие тратят на учебу 16 и 12 мин в неделю, тогда как рабочие — 7 и 23 мин. И это закономерно, ибо внедрение новой техники, механизация, автоматизация производства требуют от инженерно-технического состава неуклонного повышения квалификации, создается необходимость переподготовки инженеров.

Интересные данные получены при сравнении бюджета времени у лиц разного возраста (табл. 7).

Таблица 7

Распределение затрат времени у лиц разного возраста (в %)

Возрастные группы	Рабочее время	Внерабочее время, связанное с производственным процессом	Физиологические потребности	Домашний труд	Свободное время	Неучтенное время
18—25 лет	29	14,4	31,3	2,1	22,9	0,3
26—30 »	29,3	10,7	35,2	5,4	19,3	0,1
31—40 »	28,0	11,9	36,4	5,4	18,2	0,1
свыше 40 »	28,9	9,0	36,7	6,7	18,6	0,1
из них:						
активисты-общественники						
18—25 лет	29,5	10,8	32,1	1,5	25,9	0,2
26—30 »	30,0	10,2	32,0	4,6	23,0	0,2
31—40 »	28,2	12,6	35,8	6,5	16,8	0,1
свыше 40 »	29,0	8,3	37,7	5,0	19,8	0,2
Остальные члены коллектива						
18—25 лет	27,9	21,7	29,3	3,5	17,0	0,6
26—30 »	28,1	11,7	40,2	6,6	13,3	0,1
31—40 »	28,7	11,4	37,7	6,1	16,0	0,1
свыше 40 »	28,5	11,6	33,5	12,3	14,1	—

Примечание: за 100 % взят весь бюджет рабочей недели.

Удельный вес свободного времени у молодежи до 30 лет больше, чем у остальных возрастных групп, а время на удовлетворение физиологических потребностей и на домашний труд растет по мере увеличения возраста. Характерно, что все возрастные группы лиц, занимающихся общественной работой, имеют свободного времени больше, чем остальные члены коллектива.

Возрастные особенности оказывают влияние также и на структуру свободного времени. Как видно из табл. 8, молодежь до 30 лет почти половину свободного времени отдает учебе.

У лиц в возрасте 26—30 лет затраты времени на общественную работу значительно уменьшаются. Это можно объяснить тем, что в эти годы, как правило, формируется семья, много времени требует уход за детьми, учеба. Характерно, что самой большой активностью отличаются общественники в возрасте старше 30 лет. Это годы наибольшей жизненной активности, годы зрелости, когда сформировались полностью взгляды

Таблица 8

Распределение свободного времени у лиц разного возраста (в %)

Возрастные группы	Чтение литературы			Театр, кино	Телевидение, радио, магнитофон	Воспитание детей	Физкультура, прогулки	Любительский труд	Другие виды отдыха	Пассивный отдых	Общественная работа				Всего		
	в том числе																
	Учеба	общественно-политической	художественной								специальной	связанная с производ. процессом	общественно-воспитательная	культурно-массовая		по месту жительства	
18—25 лет	41,4	3,6	8,7	0,9	6,7	2,6	2,5	5,8	1,8	8,1	6,3	2,1	2,6	—	1,6	6,3	
26—30 »	43,7	7,7	5,9	0,1	2,3	8,6	2,9	1,4	0,7	9,4	2,5	1,5	0,7	—	0,3	2,5	
31—40 »	16,8	5,9	8,2	—	2,3	12,4	0,4	5,3	0,9	5,8	6,7	3,6	2,1	1,0	—	6,7	
свыше 40 »	7,7	8,2	8,2	0,1	—	8,6	3,2	5,8	3,7	22,8	14,1	11,8	1,3	—	1,0	14,1	
Из них:																	
активисты-общественники																	
18—25 лет	47,9	4,5	8,8	1,2	3,3	3,3	2,7	0,2	2,2	5,9	7,8	2,8	2,8	—	2,2	7,8	
26—30 »	49,5	7,0	4,0	0,2	2,9	7,7	2,7	0,9	0,9	10,4	3,1	1,7	0,9	—	0,5	3,1	
31—40 »	16,5	7,5	9,1	—	3,0	13,8	0,7	1,1	0,9	4,2	10,5	5,7	3,3	1,5	—	10,5	
свыше 40 »	9,4	10,1	9,9	0,2	—	8,4	3,9	5,5	4,4	11,1	16,2	13,5	1,5	—	1,2	16,2	
Остальные члены коллектива																	
18—25 лет	21,7	1,0	9,5	—	17,2	—	2,2	22,5	0,7	14,7	2,0	—	2,0	—	—	2,0	
26—30 »	28,2	9,6	10,9	—	0,8	10,3	3,4	2,7	0,2	6,9	1,0	—	1,0	—	—	1,0	
31—40 »	17,3	3,7	6,8	—	1,1	9,8	—	12,7	0,8	8,1	—	—	—	—	—	—	
свыше 40 »	—	—	—	—	—	9,8	—	4,5	—	8,7	2,5	—	2,5	—	—	2,5	

Примечание: за 100 % взято все свободное время рабочей недели. 1 % составляет в 1-й строке 19,8 мин, во 2-й —16,6; в 3-й —15,7; в 4-й —16,0; в 5-й —22,4; в 6-й —19,9; в 7-й —14,5; в 8-й —17,0; в 9-й —14,7; в 10-й —13,9; в 11-й —11,5; в 12-й —12,2.

ды на жизнь, труд, свой долг перед обществом. В этом возрасте обычно уже закончена учеба, создана семья, приобретена необходимая профессиональная квалификация. Таким образом, появляется возможность уделять больше свободного времени общественной работе.

Участие в общественной работе оказывает особенно значительное влияние на использование свободного времени у лиц старшего возраста. Это наиболее ярко выражено у женщин. Женщины-активистки в возрасте свыше 40 лет участвуют в общественной жизни коллектива, интересуются общественно-политической литературой. Как показали наши исследования, на чтение общественно-политической литературы они тратят 12,2% своего свободного времени.

Значительное влияние на использование бюджета времени оказывает уровень образования (табл. 9).

Таблица 9

Распределение затрат времени в зависимости от образовательного уровня (в %)

Образование	Рабочее время	Внерабочее время, связанное с производственным процессом	Физиологические потребности		Домашний труд	Свободное время	Неуцененное время
			всего	в том числе сон			
Начальное	28,8	10,7	37,1	30,9	8,6	14,7	0,1
5—9 классов	28,6	11,0	35,8	29,5	7,9	15,9	0,8
Среднее и среднее техническое	28,5	11,1	35,2	28,3	7,5	16,9	0,8
Высшее и незаконченное высшее	30,0	10,1	32,6	25,4	5,7	21,6	—

Примечание: За 100% взят бюджет всей рабочей недели.

Как видно из таблицы, величина свободного времени находится в прямой зависимости от уровня образования. Меньше всего свободного времени у лиц с начальным образованием, больше всего — у лиц с высшим и незаконченным высшим образованием. Разница между свободным временем этих групп составляет 6,9%, тогда как время, затраченное на работу, и вне рабочее время, связанное с производством, почти равное у обеих групп. Вместе с тем затраты на домашний труд у лиц с начальным образованием самые высокие — 8,6%.

Особенно большое влияние оказывает уровень образования на структуру свободного времени. Затраты времени на учебу возрастают по мере повышения общеобразовательного уровня. Лица с высшим и незаконченным высшим образованием на учебу тратят 62,5% своего свободного времени. Это свидетельствует о том, что многие инженерно-технические работники повышают свой культурно-технический уровень и завершают образование без отрыва от производства. Особенно необходимо обратить внимание широкой общественности и административных органов на воспитательную работу среди лиц с низким уровнем образования. Исследования показали, что группа рабочих с начальным образованием вообще не уделяет времени учебе, хотя для них это особенно необходимо. Они же очень мало читают, всего 52 мин в неделю. Лица с незаконченным средним образованием на чтение тратят 3 ч 43 мин, а со средним и средним техническим — 3 ч 49 мин.

Таблица 10

Распределение затрат свободного времени трудящихся в зависимости от образования
(в %)

Образование	Учеба	Чтение литературы			Воспитание детей	Театр, кино	Телевидение, радио, магнитофон	Физкультура, прогулки	Другие виды отдыха	Пассивный отдых	Общественная работа				
		общественно-политической	художественной	специальной							в том числе				
											связанная с производственным процессом	общественно-воспитательная	культурно-массовая	по месту жительства	
Начальное	—	1,2	2,9	—	8,8	1,8	51,2	6,5	9,4	17,6	0,6	0,6	—	—	—
5—9 классов	16,4	6,2	9,5	0,7	9,5	5,4	21,8	4,8	6,7	12,2	6,8	4,8	2,0	—	—
Среднее и среднее техническое	31,4	6,3	8,3	1,2	7,1	4,5	19,5	4,9	4,2	7,1	5,5	3,0	0,7	—	1,8
Высшее, незаконченное высшее	62,5	6,9	2,5	0,5	5,6	2,8	8,7	0,9	2,3	2,6	4,7	2,8	1,4	—	0,5

Примечание: за 100% взято все свободное время рабочей недели. 1% времени составляет в 1-й строке — 12,6 мин, во 2-й — 13,6, в 3-й — 14,5, в 4-й — 18,6.

Больше половины свободного времени у рабочих, имеющих начальное образование, уходит на просмотр телевизионных передач и слушание радио и много времени занимает пассивный отдых — 17,6%. Нельзя не отметить, что лица с начальным образованием почти не занимаются общественной деятельностью (см. табл. 10).

Анализ бюджета времени показал, что активное участие в общественной работе зависит также от стажа работы на данном предприятии. Так, например, кадровые рабочие со стажем свыше 15 лет затрачивают на общественную работу 10,2% своего свободного времени, лица, проработавшие свыше 6 лет, — 6,5%, а со стажем до 3 лет — 3,7%.

Как показали исследования, общественная деятельность прочно входит в жизнь советских людей. Даже лица, официально не участвующие в работе общественных организаций, значительную часть времени посвящают общественной деятельности.

Активное вовлечение трудящихся в общественную работу положительно сказывается на рациональном использовании их бюджета времени.